Где трава зеленая…

Автор:
Лорен Вайсбергер

Где трава зеленая…

Лорен Вайсбергер

Дьявол, Prada и все-все-все

У Пейтон было все, о чем только можно мечтать.

Привлекательная внешность. Муж, который носит ее на руках. Очаровательная и одаренная семнадцатилетняя дочь. Любящая сестра, ведущая жизнь богатой домохозяйки в дорогом пригороде. Престижная работа в самом популярном ток-шоу Америки. Деньги. Национальная слава. Толпы фанатов…

А потом случилась одна маленькая ложь. Почти незаметная.

Ложь, которая стала камнем, обрушившим горную лавину.

И иллюзии стали разбиваться вдребезги. И посыпались из шкафов скелеты. И идеальная жизнь перестала быть идеальной. А счастливая совсем еще недавно женщина вдруг стала сомневаться: в силах ли она вообще пережить горькую правду?..

Лорен Вайсбергер

Где трава зеленая…

Lauren Weisberger

WHERE THE GRASS IS GREEN AND THE GIRLS ARE PRETTY

© Lauren Weisberger, 2021

Школа переводов Баканова, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Моей соратнице по иной жизни, сестре Дане Заскин, мозгоправу, той, что никогда не упустит случая посмеяться вместе со мной над чем-то неприличным, неуместным или неподобающим. Люблю тебя!

Памяти Сьюзан Камил. Мы знали друг друга совсем недолго, и все же я бесконечно благодарна тебе за помощь, поддержку и веру в эту книгу… и в меня

Глава 1

Бум на мальчиков

– У вас должен быть забронирован столик на имя Маркус,?– обратилась Скай к изящной блондинке скандинавской внешности, не слишком приветливо встретившей ее на входе в фешенебельный ресторан «Бильбоке».

Очевидно, хостес не часто приходилось встречать посетительниц, одетых в юбку до пола и ортопедические шлепанцы.

– Гм… – промычала девушка, уставившись в монитор – из тех, на которых невозможно ничего разглядеть, если не стоять под правильным углом. – Что-то я не вижу.

Скай вспыхнула. Часом ранее она, вполне довольная жизнью, пила кофе со старыми подругами, вместе с которыми когда-то учительствовала в Гарлеме, а здесь ее принимают за стареющую хиппи.

– Пейтон Маркус, из Эй-эн-эн.

Ей самой очень не понравилось, как это прозвучало.

Хостес резко вскинула голову.

– Простите, вы сказали «Пейтон Маркус»? Из «Олл ньюс нетворк»?

– Да, это моя сестра, – натянуто улыбнулась Скай.

– Разумеется! – просияла девушка. – Как правило, мы не рассаживаем гостей, пока не соберутся все. И конечно же, не сохраняем бронирование свыше семи минут, но, пожалуйста, следуйте за мной.

Она провела Скай через переполненный людьми ресторан к небольшому двухместному столику, чрезвычайно удобно расположенному между обеденным залом и тротуаром, откуда открывался дивный вид на Медисон-авеню. Приди Скай сама, могла бы только мечтать о таком столике.

Хостес положила на стол две папки с меню и с улыбкой заметила:

– Забавно: вы совсем не похожи на сестру.

– Да, мне постоянно это говорят, – ответила Скай.

– Я имею в виду, что у миз Маркус такая светлая кожа, и волосы, и глаза…

– Гм… ну да.

– Хорошо, я приведу вашу сестру, как только она появится, – пообещала девушка и наконец ушла.

Скай устроилась в кресле лицом к залу и опустила под ноги потертую замшевую сумку. В то же мгновение перед ней как из-под земли вырос официант в форме и поставил рядышком небольшой деревянный табурет, на который торжественно водрузил ее имущество. Поздоровавшись – Скай не поняла, с фальшивым или настоящим французским акцентом, – мужчина жестом фокусника извлек откуда-то высокий бокал для шампанского и наполнил его пенящейся золотистой жидкостью.

– Комплимент от заведения, – проворковал он и неслышно удалился.

Скай пригубила шампанское – сухое, невероятно вкусное. В нос ударили пузырьки, по телу разлилось приятное тепло, и она откинулась на спинку кресла. Вот оно – блаженство! И почему она так редко пьет алкоголь? Нет, порой Скай позволяла себе вечерком среди недели выпить бокал вина, после чего чувствовала себя отважной бунтаркой, но потом неизбежно накатывала сонливость или начиналась мигрень, а иногда все вместе, и всякое стремление к свободной и беззаботной жизни пропадало недели на две.

Кто-то сзади постучал ее по плечу, и Скай подскочила от неожиданности. Блондинка за соседним столиком растянула в улыбке неестественно огромные, как у окуня, губы, и спросила:

– Прошу прощения, это «Сен-Лоран»?

Скай в первую секунду не сообразила.

– Ах, это…

Она стянула с «трона» фальшивую замшевую сумочку.

– Нет, всего лишь «Урбан Аутфиттерс».

Соседка подняла брови:

– Не может быть! Вообщем, я хотела сказать, что она все равно классная.

Женщина вновь повернулась к своему спутнику, мужчине вдвое моложе, который воспользовался моментом, чтобы залипнуть в телефоне.

«Надо говорить «в общем» или «вообще», – мысленно исправила ее Скай, заливаясь краской стыда. – А за эти губы ты могла бы смело потребовать назад всю сумму».

Наконец появилась Пейтон.

– Привет, сестренка. – Она с улыбкой наклонилась через стол и поцеловала Скай в щеку. Дважды, на французский манер.

– Что с тобой?

– Ничего. У меня французское настроение.

Пейтон вытащила из ушей наушники.

– Когда ты в последний раз слушала «Мы не знали, что у нас есть»? Лет двадцать прошло?

– А, «Синдерелла»? – засмеялась Скай. – Чуть больше. Я целовалась под эту песню с Гарри Фельдманом в гардеробе храма на бат-мицве у Саманты Вайнштейн.

– Насколько проще была жизнь во времена рок-баллад!

Скай вновь рассмеялась:

– Мы могли выразить любые чувства с помощью «Уайтснейк».

– Точно. – Пейтон отпила шампанского. – А теперь все катится к черту. Моя жизнь – сплошной бардак.

Обычное субботнее утро, а сестра выглядит лучше, чем Скай когда бы то ни было. Светло-коралловый пиджак, скорее всего «Шанель», поверх белого

шелкового топа, укороченные джинсы-скинни и лабутены восхитительного нюдового оттенка с открытым носком. Светлые волосы недавно пострижены, покрашены и уложены так, чтобы скрыть слишком большие уши – единственный недостаток, который Пейтон еще не исправила в своей внешности. Она сняла темные очки от Тома Форда и бросила в сумочку – настоящую кожаную «Сен-Лоран», а не дешевую подделку, как у Скай.

– Да, заметно. Напомни, что не так с твоей жизнью.

– Что и всегда, – беззаботно отозвалась Пейтон. – Чем выше поднимаются наши рейтинги, тем больше все боятся, что они упадут. Джим, мой обожаемый сексуально озабоченный соведущий, в последнее время ведет себя еще невыносимее, чем всегда. Я составила список по-настоящему классных эфирных экспертов – мне не всегда нравятся те, кого нанимают продюсеры, – и с этим не так-то просто разобраться. Не говоря уже о том, сколько всего надо сделать, чтобы подготовить Макс к поступлению. Кто бы мог подумать, что моя дочь не может самостоятельно записаться к парикмахеру?

– Не может и не хочет – не одно и то же.

При виде Пейтон официант, который подошел, чтобы добавить Скай шампанского, чуть не хлопнулся в обморок. Она попросила принести бутылку Пино Гриджио.

– Бутылку? Еще только половина двенадцатого, – удивилась Скай.

– Спасибо, мамуля.

Пейтон повернулась к официанту:

– Мне, пожалуйста, салат «Нисуаз», заправку отдельно.

– Разумеется, миз Маркус.

Он вопросительно посмотрел на Скай.

– Мне то же самое. И порцию картофеля фри.

Официант кивнул и исчез.

– Жареная картошка? – наморщила нос Пейтон.

– Тебя никто не заставляет ее есть.

Появилась новая официантка, совсем молоденькая. Сражаясь с бутылкой вина, девушка изо всех сил старалась не пялиться на Пейтон, но пальцы предательски соскальзывали с горлышка.

– О боже, извините. Я новенькая, и…

Пейтон отобрала у нее бутылку и штопор:

– Дай сюда.

Она ловко вставила штопор, сделала несколько вращательных движений и со звонким щелчком вытащила пробку.

– В начале трудовой карьеры мне приходилось работать официанткой, – сообщила Пейтон, протянув бутылку девушке.

– Спасибо, – сказала та. – Очень мило с вашей стороны.

Пока она разливала вино, на столе возникла тарелка с горкой картошки фри – горячей, хрустящей, посыпанной морской солью. Скай немедленно запихнула в рот два ломтика и заметила:

– Очевидно, здесь у них заказывают жареную картошку только презренные брюнетки с мерзкими карими глазами. Хостес не поверила, что я твоя сестра.

– Знаешь, я бы не задумываясь отдала свои небесно-голубые глаза за набор генов, который позволяет тебе есть все, что хочешь, как в восемнадцать лет. Ты понимаешь, какая это редкость после сорока? Я потолстею на полкило, просто посидев рядом с этой картошкой, – сказала Пейтон.

– Мне исполнилось сорок меньше года назад, – рассмеялась Скай. – А тебе до сорока еще девять месяцев. Ешь, пока можешь.

– Ты что! – ужаснулась Пейтон и отпила вина. – У меня обмен веществ ни к черту не годится, как и вагина. – Я тебе рассказывала?

– Да, всего лишь каких-то пару тысяч раз.

– Одни несчастные, самые обычные роды миллион лет назад, а она так и не восстановилась.

Скай предостерегающе подняла руку:

– Пожалуйста, не начинай. В прошлый раз, когда ты сравнила ее с кусками ветчины в витрине «Голд», я двое суток есть не могла.

– Ладно, не буду, – отмахнулась Пейтон. – Я нашла нового физиотерапевта, и она порекомендовала мне комплект утяжелителей. Такие шарики: начинаешь с самого легкого и постепенно увеличиваешь вес. Когда сможешь удерживать самый тяжелый, больше не будешь писаться при каждом чихе.

– И как? – улыбнулась Скай.

– Я не смогла удержать даже начальный вес! Представляешь, самый легкий, типа для начинающих. Их надо носить десять минут в день, занимаясь обычными делами, а у меня он постоянно выпадал. Врачиха сказала, что никогда не встречала женщины, не способной удержать начальный вес.

– Умеет она подбодрить.

– Ага, типа: «Ого, у тебя самая растянутая вагина из всех, что мне попадались, а я в таких делах собаку съела».

Скай промокнула выступившие от смеха слезы. Она часто жалела, что зрители никогда не видели сестру такой безбожно смешной, беспечной хохотушкой.

– Бред какой-то, – продолжала Пейтон. – Один средних размеров ребенок сто лет назад. Слава богу, я хоть грудью не кормила, поэтому она неплохо сохранилась.

– В наши дни за такое признание могут повесить.

– Я тебя умоляю! Современным мамам намного легче. Они укладывают волосы, делают маникюр с педикюром и едут рожать в специальном удобном такси для беременных, заранее договорившись с врачом. Все чинно и благородно.

– Ну конечно, ведь рождение ребенка должно быть самым значительным и прекрасным событием в жизни женщины.

Пейтон сделала еще один большой глоток:

– Может, значительным. Но прекрасным это событие могут назвать только женщины, которые рожают дома в ванне. Жесть.

– Эстер говорит, что испытала ни с чем не сравнимые ощущения, – засмеялась Скай.

– Ты знаешь, как я отношусь к Эстер, – закатила глаза Пейтон. – Только не надо напоминать мне о ее домашних родах… Кстати, как она?

– Вроде хорошо. Ни с кем не встречается, но не теряет надежды.

Стараясь ничего не рассыпать, Скай осторожно вытащила из битком набитой сумки айпад.

– Она консультировала меня по юридическим вопросам, связанным с резиденцией для девочек, и очень помогла. Хочешь посмотреть мой мудборд?

– Да, только не называй это так, – попросила Пейтон, взяла планшет и начала рассматривать ковры, декор, мебель и постельное белье, выбранные сестрой для дома с пятью спальнями, где та собиралась поселить девочек из малообеспеченных семей, которые будут посещать старшие классы образцовой школы в Парадайсе. – Ух, потрясающе.

– Скоро все будет готово.

– Чудесно. Когда заселяетесь?

– Самое позднее – на День труда, чтобы не разрывать учебный год. Вот-вот должны прийти деньги от друга Айзека, и тогда мы успеем.

– Генри тот еще мудак, но деньги даст. Это единственное, в чем на него можно положиться.

– До сих пор он казался мне ужасно милым, – призналась Скай, доедая салат.

– Скорее всего, он решил стать спонсором, чтобы его компания удовлетворяла каким-то там требованиям о корпоративной социальной ответственности.

– Мне все равно, какие у него мотивы, лишь бы не отказался.

Пейтон схватила за горлышко бутылку Пино Гриджио и вытащила из серебряного ведерка со льдом.

– Я горжусь тобой за то, что ты придумала и воплотила в жизнь идею с жильем для девочек. И вернулась к работе после такого большого перерыва.

Скай возмущенно уставилась на сестру.

– Что я такого сказала? – спросила Пейтон. – Я не осуждаю тебя за неслыханно долгий декретный отпуск. Просто ты постоянно ныла, что тебе надоели герлскауты и ты хочешь заниматься чем-то более… творческим.

– А ты как? – спросила Скай. – Макс ведь уезжает в колледж? Твоя милая крошка скоро выпорхнет из гнезда?

– Она не милая, а раздражительная и упрямая, – сморщила нос Пейтон.

– Ты к ней слишком сурова.

– К ребенку, который не хочет учиться в Принстоне?

– Я лишь хотела сказать, что учеба в киношколе не испортила бы ей жизнь, – вздохнула Скай.

– Да сколько можно? Господи, это ПРИНСТОН! В любом случае она все лето проведет у тебя.

– Не могу дождаться. Может, вы с Айзеком тоже поживете у нас?

– Макс будет против. Кроме того, летом я просто поселюсь в студии – чтобы закрепить успех и обеспечить рост рейтингов осенью. – Она указала на телефон сестры. – Тебе пришло сообщение.

В ту же секунду завибрировал ее собственный мобильный.

– Откуда она знает, что мы вместе? – пробормотала Скай, посмотрев на уведомление. – Если бы мамуля умела загружать приложения, я бы подумала, что она за нами следит.

Пейтон открыла письмо и прочла вслух:

– «Тема: детская присыпка».

– О, только не это! – простонала Скай, взявшись за голову.

– «Дорогие девочки! – прочла Пейтон, старательно копируя голос Марши. – Существуют некоторые свидетельства (круглая скобка), не окончательно подтвержденные (скобка закрылась), что детская присыпка повышает вероятность (кавычки) рака яичников (кавычки закрылись). Я часто применяла ее при уходе за вами обеими. Возможно, вам стоит проинформировать об этом своих врачей. С любовью, мама».

– И как бы мы обошлись без столь важной информации в это чудесное июньское утро? – сказала Скай.

– Интересно, почему она взяла слова «рак яичников» в кавычки? – фыркнула Пейтон. – Она считает, что такой болезни нет?

– Все равно это не сравнится с письмом о тете Хэтти, – заметила Скай.

– «Дорогие девочки, – прочла по памяти Пейтон, – к сожалению, вынуждена вам сообщить, что прошлой ночью умерла тетя Хэтти. Напишу вам, как только узнаю подробности о траурной церемонии. Что касается других новостей, то я наконец приняла решение по поводу цвета моей новой «камри». Снаружи «серебряное облако», а салон – антрацитово-серая кожа. С любовью, мама».

Обе плакали от смеха. Письмо, процитированное тысячу раз, не становилось менее смешным.

– Смейся, пока можешь, – сказала Пейтон, намазывая губы мерцающим блеском бренда, о котором Скай никогда не слышала. – Пройдет время, и мы будем писать такое своим дочерям.

– Говори за себя. Думаю, всем известно, что я крутая мать, – ответила Скай.

– Из меня вышла бы отличная мама для мальчика, – задумчиво кивнула Пейтон.

– По-моему, в Парадайсе вообще какой-то нездоровый бум на мальчиков. Не может быть, чтобы столько мальчиков рождалось естественным путем.

– Охреневший у вас город. – Пейтон заправила за ухо светлый локон. – Почему все хотят именно мальчиков?

– Думаю, из-за спорта. Чем больше в семье мальчиков, тем больше ты можешь за них болеть, ходить на игры и тренировать команды. Согласно моей рабочей версии таким способом пары, несчастливые в браке, избегают необходимости проводить вместе лишнюю минуту по выходным.

Пейтон засмеялась.

– Я тебя предупреждала, когда вы решили переехать за город. Знаю, знаю – лучшие школы, работа Гейба… Только чего ты ожидала? Здесь живет непростая

публика. – Она отодвинула стул. – Ну что, пошли отсюда?

Они расплатились, прошли мимо дружелюбной теперь хостес и вышли из ресторана. Увидев Пейтон, сидевшие через несколько столиков мать с дочерью уставились на нее во все глаза. Она помахала и улыбнулась.

– Не понимаю, как тебе это удается, – заметила Скай, наблюдая за обменом любезностями.

– Что?

– Постоянно улыбаться обожающей публике. Никогда не хотелось пойти куда-нибудь, где тебя никто не узнает? Особенно в выходные.

– Не-а.

– Ты сумасшедшая, – засмеялась Скай. – Я тебя люблю.

Она закинула обшарпанную сумку на плечо и растопырила руки.

– Я тебя тоже, – сказала Пейтон, шагнув в ее объятия. – Отправь мне идеи для подарка маме. И мы должны придумать план на ее день рождения.

– Принято. Под «мы» ты подразумеваешь меня? – уточнила Скай.

– Да, – виновато улыбнулась сестра. – У тебя лучше получается.

Они обнялись на прощание, перекрыв пешеходное движение на Медисон-авеню, и Скай торопливо отстранилась, не желая причинять неудобств незнакомым людям.

– Обожаю тебя! – рассмеялась Пейтон, помахав плоской ладошкой, как королева Елизавета на смене караула.

– И я тебя.

Скай отошла в сторонку и провела взглядом сестру, шагавшую по улице, словно по подиуму в Париже. Пейтон порой бывала самовлюбленной, хвастливой и совершенно невыносимой сумасшедшей стервой, но Скай все равно ее любила.

Глава 2

За все в жизни надо платить

– Мы вернемся с рекламной паузы через минуту, оставайтесь с нами!

Пейтон отхлебнула кофе из чашки с логотипом Эй-эн-эн и повернулась к визажистке, которая подошла припудрить ей лоб. Операторы изменили положение для следующей рубрики, а Шон, исполнительный продюсер, сообщил по студийной аудиосистеме:

– Выходим на финишную прямую! До выходных осталось шесть минут.

Несколько человек в аппаратной захлопали в ладоши. Неделя выдалась тяжелая, всем хотелось вернуться домой, в нормальную жизнь, которая не делится на тридцатисекундные отрезки и не рассчитывается по кадрам, как то, что происходит с пяти до восьми утра в ослепительном свете софитов, под безжалостным давлением прямого эфира национального телевидения.

Джим вернулся за стол и занял свое кресло. Пейтон подозревала, что во время частых отлучек в туалет в рекламных паузах он на самом деле бегает качать бицепсы.

– СДБСП, – сказал Джим, вставляя наушник.

И пригладил рукой волосы – абсолютно бесполезный жест: толстый слой лака превращал прическу в непробиваемую броню.

Напарник частенько хвастался, что флакона хватает на три дня. Пейтон не то чтобы не любила Джима, просто… Ну ладно, она его действительно не любила. Да, он чертовски классный ведущий, с этим трудно спорить: аудитория, с легким

перекосом в сторону женщин, обожает его экранную личность – доморощенную смесь мужественности, непоколебимого позитива и при необходимости чего-то очень похожего на сочувствие, – и только при выключенных камерах он показывал свое истинное лицо.

Джим вопросительно посмотрел на Пейтон:

– Согласна?

– Что?

Она как раз вспомнила, что после обеда нужно записаться к стоматологу.

– Тридцать секунд! – раздалось из динамиков.

– СДБСП, – повторил Джим. – Поняла? Слава долбаному богу, что сегодня пятница.

– Гм…

Пейтон выдавила улыбку и достала из выдвижного ящика изящный блокнотик «Молескин», куда записывала все, о чем вспоминала в самые неподходящие моменты.

«Записаться к стоматологу на пять вечера», – нацарапала она, и тут в голову пришла новая мысль. Макс тоже должна записаться к стоматологу, терапевту и гинекологу, ведь в конце лета ей уезжать в колледж.

– Двадцать секунд!

Пока она писала, Джим шумно отхлебнул из кружки с логотипом Эй-эн-эн. Пейтон в тысячный раз задумалась, что он добавляет в свой кофе: кокаин, растолченный аддералл или какую-нибудь подпольную добавку с тестостероном? От чего еще может нормальный человек постоянно быть на взводе?

– Десять секунд!

Джим откашлялся, отвел плечи назад и стал пожирать глазами камеру номер три, которая должна была снимать их после рекламной паузы.

– Пейтон, готова? – спросил Шон, на этот раз прямо в ухо.

Она кивнула. Черт! Забыла напомнить Скай о мамином дне рождения. Обвела напоминание кружочком – решить этот вопрос в первую очередь…

– Итак, пять, четыре…

– Пейтон, ради бога, спрячь это! – раздраженно гаркнул Шон.

– …три, два…

Она закрыла блокнот.

Наступила тишина. Красный огонек на третьей камере замигал, показывая, что они в эфире. Пейтон внезапно расслабилась. На нее снизошло отрешенное спокойствие – полная противоположность адреналинового всплеска. Мысли, еще секунду назад метавшиеся в разные стороны, без малейших усилий с ее стороны сошлись в одной точке, и она обрела свое фирменное самообладание.

– Мы снова с вами, – сказала Пейтон, искренне улыбаясь в камеру номер три, словно видела перед собой гостиную, где сидят ее самые близкие люди. – «В заключение пятничного выпуска мы хотим поделиться с вами невероятной историей любви и силы духа, которая произошла в самой обычной семье», – прочла она с телесуфлера.

Неделю всегда старались закончить какой-нибудь волнующей человечной историей с хорошим концом, чтобы поднять дух зрителей, обеспокоенных ситуацией в мире.

– «Логан Пирс – девятилетний мальчик, который живет с родными в пригороде Хьюстона, любит рисовать, играет в «Лего» и болеет за «Астрос», – прочла Пейтон, придав своему голосу точно отмеренные доли серьезности и восхищения, а про себя гадая, который из домашних питомцев продюсера написал этот идиотский сценарий. – Представьте, что пережила семья, когда

Логану поставили диагноз «педиатрическая лимфома» – редкое, угрожающее жизни заболевание».

Читая, она невольно прониклась сдержанной грустью матери, которая рассказывала о диагнозе мальчика, лечении и, наконец, выздоровлении, – такого почти никогда не случалось, когда Пейтон находилась в открытом эфире и должна была перескакивать с одного сюжета на другой. Голос женщины завораживал, а Логан так трогательно обнимал свою младшую сестренку, что Пейтон едва не пропустила объявление Шона об экстренном сообщении.

Она посмотрела в сторону аппаратной, которая перестала напоминать спокойную, тщательно выстроенную балетную сцену и превратилась в хаотичную тусовку. Огромные электронные часы над камерами отсчитывали секунды. Черт! До восьми еще пять минут, и это означает, что сообщать срочную новость придется им.

– Я возьму, – пробормотал в микрофон Джим.

На экране лечащий врач Логана описывал воздействие лимфомы на детей.

– Нет, – возразил Шон. – Слишком резкий переход. Плохо уже то, что мы обрываем ребенка. Когда сюжет закончится, переходим к рекламе.

Пейтон и Джим кивнули.

– Они записывают заставку, но материала там только на тридцать секунд, – продолжал Шон. – Обвинения и короткое описание. Потом я тебя поведу.

Пейтон вдруг напряглась. Экстренные новости всегда непредсказуемы.

Ролик закончился, и Пейтон спокойно сообщила зрителям, что выпуск продолжится после короткого перерыва. Почти немедленно после этого все полетело к чертям.

– Надеюсь, они знают, что делают, – громко произнесла она, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Да, – согласился Джим. – Мы забили на ребенка с раком!

Продюсер эпизода Дженна, двадцатипятилетняя звезда, которую недавно переманили из «Фокс ньюс», объявила:

– ФБР только что подтвердило информацию о задержании двадцати двух человек, среди которых есть весьма известные люди, по обвинениям в преступном сговоре и (или) почтовом мошенничестве.

– Кому, на хрен, интересно почтовое мошенничество? – возмутился Джим, словно прочтя мысли Пейтон.

Дженна сделала вид, что не слышит, и сказала им в наушники:

– Все задержанные – влиятельные люди, родители, которые пытались купить своим детям места в престижных университетах.

– Тридцать секунд! – раздался обезличенный голос в колонках.

В крови зашумел адреналин.

– Что нам известно? Мы готовы?

В студию ворвался Шон со стопкой бумаг в одной руке и своими знаменитыми черными очками – в другой.

– Дженна, суфлер?

Дженна бесстрастно подтвердила, что суфлер настроен.

– У меня хватит информации, чтобы дотянуть до конца программы, – сказал Шон, размахивая распечаткой. – Читай с суфлера медленно, а потом слушай меня.

– Десять секунд!

Шон вернулся за стеклянную стену аппаратной. Пейтон видела, как он натянул наушники и ткнул пальцем в оператора.

– Пристегнись, взлетаем, – сказал Джим, сделав сочувственное лицо.

– …три, два, один!

Включилась камера номер два, которая использовалась в основном для крупных планов, и Пейтон нашла взглядом телесуфлер.

– «Мы прерываем волнующую историю Логана Пирса, чтобы поделиться с вами экстренным сообщением, – прочла она, сама не понимая, дрогнул ее голос или просто показалось. – Агентами ФБР задержаны двадцать два человека в четырех штатах: родители абитуриентов, обвиняемые в попытке купить своим детям места в престижных учебных заведениях. Подробности пока неизвестны, однако источники утверждают, что по меньшей мере трое из этих людей – известные личности».

Телесуфлер остановился. Пейтон знала, что Дженна просто не успела написать больше, но у нее перехватило дыхание. От паники спас голос Шона. Никто не любит слепых экспромтов перед миллионной аудиторией.

– Спокойно! – гаркнул он. – Я с тобой.

Она набрала воздуха, а Шон начал выдавать ей кусочки ничего не значащей информации, которые она передавала на камеру. «Совет колледжей пока не прокомментировал ситуацию». «Ждем реакции районного прокурора Манхэттена». «Крупнейший сговор, связанный с приемом в колледжи».

– Джим, спроси у Пейтон, когда будет известно больше, – пролаял Шон.

Джим тут же обернулся к Пейтон, нахмурил бровь и спросил:

– Когда можно ожидать новую информацию, касающуюся этой сенсационной истории?

– Заканчивай, Пейтон, – сказал Шон.

Пейтон посмотрела на Джима и спокойно – во всяком случае, надеялась на это – произнесла:

– Время нашего утреннего эфира подходит к концу; Сюзанна и Алехандро будут следить за развитием событий и держать вас в курсе.

Она вновь повернулась к камере номер один – слева наискосок.

– Оставайтесь с нами, если хотите узнать подробности этого скандала. Мы – Пейтон Маркус и Джим Этвуд – увидимся с вами в понедельник утром.

Наступила немая сцена, во время которой никто не шелохнулся, затем Шон объявил:

– Всем спасибо, мы закончили.

Студия разразилась аплодисментами. Перед столом ведущих вырос Шон.

– Мне понравилось, что ты назвала это скандалом, – сказал он, блестя вспотевшим лбом. – Пикантно.

– Спасибо за помощь, – ответила Пейтон.

Сердце выскакивало из груди. Она вытащила наушник и рухнула в кресло.

– Отличная работа, – сказал Джим, вынимая наушник.

Он встал, возвышаясь над Пейтон и Шоном. У Джима была фигура бывшего футболиста, и он не упускал случая напомнить о своем славном прошлом, почти бессознательно роняя фразы: «Когда я играл за Клемсон», «В мою бытность квотербеком», «Нет лучшей школы жизни, чем университетский футбол». Всякий раз, когда он это говорил, Пейтон хотелось опрокинуть стопку «Егермейстера».

– Ладно, девчонки, я пошел, – объявил Джим, растянув губы в ухмылке, чтобы показать, что его ничуть не напрягает ориентация Шона. – Прекрасных выходных. Ведите себя прилично.

Он помахал мускулистой рукой и направился к своей гримерке.

– Фу, это у него «Драккар»? – наморщил нос Шон и указал на дверь кабинета. – Зайди ко мне, Пейтон.

Пейтон отстегнула микрофон и, вскочив, спросила:

– Что-то еще известно?

– О чем?

– Об этой истории с колледжами! Мы ведь уже освещали эту тему, так? Она тянется до сих пор?

Пейтон торопливо шагала за Шоном по коридору. Он толкнул дверь в свой кабинет и уселся за стол.

– Тема вечная. Держу пари, что половина моего выпуска попала в Станфорд благодаря гребле или волейболу. На худой конец, теннису. Сплошные спортсмены. Идиоты-родители, конечно, перегнули палку, но всем известно, на что способны обеспеченные люди, чтобы засунуть своих отпрысков в Лигу плюща.

Шон протянул Пейтон бутылку воды, и она только сейчас осознала, что умирает от жажды. Дыхание восстановилось.

– Да, ты прав. Такое происходит сплошь и рядом. Только эти родители, вероятно, слишком далеко зашли. Помнишь, как те, что подменили фотографии своих детей и заплатили другим людям, чтобы сдали за них экзамены. Как так можно?

– Согласен.

На столе зазвонил телефон.

– Да. Иду.

Шон опять встал.

– Мне надо бежать. Если не увидимся до твоего ухода, хороших выходных.

Продюсер чмокнул ее в щеку и закрыл за собой дверь. Эта маленькая любезность пришлась как нельзя кстати: Пейтон вдруг резко затошнило – наверное, от прилива адреналина. «Задержанные родители совсем не такие, как я и тысячи других, готовых на все, чтобы предоставить своим детям все возможные преимущества», – подумала она. Тем не менее беспокойство не утихало. Зачем вновь поднимать эту тему, после того как первая серия благополучно похоронена?.. Пейтон допила воду до последней капли, упала на колени и извергла все содержимое желудка в элегантную мусорную корзину Шона.

Через каких-то тринадцать минут – рекордное время! – она уже выходила из «Убера» на углу Семьдесят четвертой улицы и Медисон-авеню, где расположился на втором этаже высокого лофта великолепный частный спортзал, больше напоминавший съемочную площадку. Уединившись в просторной личной раздевалке, оборудованной паровым душем и шкафчиком с предметами личной гигиены от «Малин и Гетц», к которой прилегала комната отдыха с диванчиком и газовым камином, Пейтон стянула сапфирово-синее платье-футляр и влезла в короткие легинсы и спортивный топ со вшитыми чашечками. Она испачкала четыре влажные салфетки, чтобы снять плотный слой телевизионного макияжа, и долго вычесывала щеткой из кабаньей щетины профессиональный лак для волос суперсильной фиксации. Тело каждой клеточкой умоляло хоть на минутку присесть на плюшевый диванчик, однако Пейтон заставляла себя двигаться.

– Привет, красотка, – сказал Кендрик, шлепнув ее полотенцем, когда она вошла в зал для кардиотренировок. – Отличный был выпуск. А теперь подвигай задницей.

Пейтон отсалютовала и подошла к ближайшей беговой дорожке. Она порой скучала по сумасшедшей энергетике фитнес-клуба «Эквинокс», но терпеть не могла, когда на нее пялятся, фотографируют тайком или, не дай бог, подходят поболтать. А здесь, в скрытом от мира оазисе, который владельцы называли спортзалом, а денег брали как за воздушное такси, ей составляли компанию всего три человека – двое мужчин за шестьдесят на беговых дорожках и молодая женщина, старательно потевшая на клаймбере. И больше никого.

Восхитительно!

Пейтон заняла место на тренажере и вставила наушники. Дожидаясь, пока на экране загрузятся новости, она установила скорость и наклон, чтобы разогреться, и вдруг заметила свое отражение в зеркальной стене. Господи, ужас! Многочисленные знакомые просто обожали рассказывать, что в сорок лет все летит к черту, а Пейтон улыбалась и кивала, не допуская даже мысли, что это когда-нибудь коснется ее самой. Начиная с подросткового возраста и до тридцати девяти лет она делала все, что хотела, и это никак не отражалось на внешности. Десять лет курила. Слишком много пила. Ела как шестнадцатилетний мальчишка. Почти не занималась спортом. Спала не больше пяти часов. И при этом, несмотря на рост метр шестьдесят пять, хотя она мечтала быть по крайней мере на десять сантиметров выше, всегда оставалась худощавой, стройной и подтянутой. А теперь? Ей нет и сорока. Просто кошмар! Едва заметные морщинки у глаз превратились в глубокие траншеи. Кожа усталая и землистая, несмотря на сумасшедшие деньги, которые она тратит на скрабы, кремы под глаза и масла для лица. Волосы растут везде, только не там, где нужно. А фигура? Как будто кто-то нажал кнопку, и живот выпятился, грудь обвисла, а задница начала расползаться во все стороны.

Когда она чуть ли не в истерике пришла к гинекологу, врач понимающе кивнула.

– Перименопауза. Нормальное явление.

– Нормальное? – взвизгнула Пейтон. – Посмотри на меня!

Доктор Кейт из частного кабинета в Верхнем Ист-Сайде, привычная к таким вспышкам, улыбнулась:

– Нужно сократить углеводы. Записаться в фитнес-клуб на индивидуальные занятия с тренером. Могу порекомендовать хорошего дерматокосметолога.

На протяжении последних шести месяцев Пейтон полностью посвятила себя (и большую часть своей немаленькой зарплаты) самосовершенствованию. Выбора не оставалось. От внешности зависела ее карьера. Она подружилась с дерматокосметологом и подвергла свое лицо, зону декольте и даже руки всем мыслимым и немыслимым лазерным и химическим процедурам, которые ей предлагали. Они боролись с красными и коричневыми пятнами, с морщинами. С

волосами, растущими в неправильных местах. Повышали общий тонус кожи. Увеличивали выработку коллагена. Короткое время она наслаждалась результатом: кожа посветлела, разгладилась, – а потом, не успела она купить новую основу для макияжа, все вернулось в геометрической прогрессии – настоящее цунами морщин, пятен и щетины.

Пейтон не привыкла сдаваться. Теперь она колола ботокс не три раза в год, а раз в два месяца. Это возымело эффект. Еще больше помогли филлеры в щеки и губы и вонючее масло, которое она втирала в кожу головы, чтобы стимулировать рост волос. Воспрянув духом, она начала тренировки с Кендриком, который брал за сеанс больше, чем психиатр с докторской степенью. Она вставала в три часа, в четверть пятого занимала место в кресле у визажиста, с пяти до восьми – прямой эфир, затем долгие часы работы, встречи и подготовка новых выпусков, и так каждый день, с понедельника по пятницу. Несмотря на жесткое расписание, она выползала из студии, приезжала в спортзал и под руководством Кендрика качала бицепсы, выполняла становую тягу и сжигала жир. Она записалась к нутрициологу, среди клиентов которой числились Жизель Бюндхен[1 - Бюндхен Жизель (1980) – бразильская супермодель и актриса. – Здесь и далее примеч. ред.] и Том Брэди[2 - Брэди Том (1977) – американский футболист.], и выполняла все ее требования. Заливала в себя два с половиной литра воды в день и бегала в туалет через каждые двадцать минут. Макала зеленый салат в заправку, а не поливала сверху. Исключила хлеб, пасту, сыр и всю остальную еду, которая заключала в себе хоть малейший намек на удовольствие.

Это ничего не изменило. Ни хрена вообще. Как только она сосредоточивалась на фитнесе, безнадежно портилась кожа. Стоило вернуться к лазерам и пилингам, портилась фигура. Пейтон практически голодала, разрываясь между тренировками и дерматологом. Впустую. Джинсы, которые она с удовольствием носила со студенческих времен, не застегивались. Ни впрыскиваемый в мышцы яд, ни отжимания, ни неприлично большие деньги не могли исправить ущерб, связанный с приближением к роковой дате. А ведь ей еще не исполнилось и сорока! А Скай – худышка, свежая кожа, ни морщинки, и вообще не прилагает никаких усилий.

Беговая дорожка автоматически увеличила скорость, и Пейтон переключилась с Эй-эн-эн на Эм-эс-эн-би-си, где Джо и Мика обсуждали новую волну арестов, связанных с поступлением в колледжи, в том числе доктора из Беверли-Хиллз, который предложил бесплатную операцию по уменьшению желудка тренеру по

сквошу в одном из университетов Калифорнии, если та возьмет в команду его дочь. «Безумие какое-то», – подумала Пейтон, увеличивая темп.

Утверждая, что никогда не смотрит новости за пределами студии, Пейтон кривила душой. Она знала всех ведущих на каждом канале; получала уведомления с полудюжины новостных веб-сайтов; следила за тем, кто куда перешел, и за внутренними скандалами. Конкуренция в отрасли чрезвычайно высока, и если ты не в теме, тебя опередят. Попасть в кресло ведущей утреннего выпуска ей помогли не лень и неведение. О нет! Она отсидела свое в Арканзасе и в Южной Дакоте, а одно лето даже провела на Аляске. Никто лучше ее не знал, как опасно расслабиться и впасть в благодушие. Она наконец пробилась на общенациональный канал, и не посреди ночи. Следующая ступенька – прайм-тайм, если хватит сил и целеустремленности.

Через десять минут бега Пейтон надоело «Утро с Джо», и она переключила на Си-эн-эн. Ведущую Поппи Харлоу она знала лично и часто смотрела ее передачу по утрам. Сегодня Поппи вела репортаж из Лондона, а в студии за столом сидел Дон Лемон. Пейтон так увлеклась изменением настроек, что не сразу заметила, как Дон прижал палец к уху и сказал: «Минутку, Поппи, у нас, кажется, экстренная новость». В ту же секунду на экране замельтешили красные буквы, сопровождаемые тревожной барабанной дробью: экстренное сообщение. Пейтон закатила глаза. Вновь открывшиеся факты о старом расследовании или действительно что-то новенькое? Такими заявлениями злоупотребляли все каналы. Разумеется, это привлекало внимание, однако опросы показывали, что у зрителей вырабатывается иммунитет. Пожар в Пентагоне, который устроил не террорист-смертник, и никто не погиб? Подумаешь, новость! Рекордное закрытие торгов в Китае? Не впечатляет. Разлив нефти у берегов Индонезии? Дальше. Появление красных букв могло оправдать разве что покушение на президента или «грязная бомба» в метро.

Дон вернулся – до крайности возбужденный.

– А сейчас мы с вами перенесемся в жилой квартал Манхэттена, где находится мой коллега Джейми. Джейми, что у тебя?

Юноша с галстуком-бабочкой озабоченно посмотрел в камеру.

– Как ты знаешь, Дон, мы продолжаем следить за развитием событий. Пока могу только сказать, что ФБР стянуло сюда большое количество сил, а это никогда не делается без достаточных оснований.

«Надо же, какой блестящий анализ!» – подумала Пейтон.

Стоп. Нажав кнопку аварийной остановки, она сощурилась на экран, не веря глазам. Это что, ее дом на заднем плане? На экране вновь появился Джейми, едва сдерживавший возбуждение, а за его спиной застыл их швейцар Питер.

– Что за… – пробормотала она скорее взволнованно, чем обеспокоенно.

Неужели сейчас арестуют кого-то из их дома? Тревожно кольнуло сердце, но тут Пейтон вспомнила пластического хирурга – полного кретина, который жил в пентхаусе и постоянно публиковал в своем «Инстаграме» снимки женской груди «до»[3 - Компания «Мета» к которой относятся социальная сеть «Инстаграм» и «Фейсбук» признана экстремистской и ее деятельность на территории России запрещена.] и «после», называя себя королем сисек. Он прикрывал соски женщин наклейками-сердечками и фотографировался с их грудью во всех ракурсах, называя своих пациенток жемчужинами. «Представляю вам еще одну жемчужину – превращение в суперженщину с помощью импланта в триста тридцать кубических сантиметров», – и выставлял безголовые фото женщин, которые выглядели вполне мило «до» и порнозвездами «после». Каждый раз, когда Пейтон сталкивалась с ним в лифте или в холле, он напоминал о своем бесплатном предложении – ведь она все-таки знаменитость, и Пейтон натянуто улыбалась, хотя ее тошнило. Наверняка речь пойдет о сексуальном домогательстве, а то и об изнасиловании.

Интересно, наши в курсе?.. Она переключила канал и удивилась, увидев Джима, почему-то вернувшегося в студию без нее.

– Не судите нас строго, – произнес он фальшиво-доверительным тоном, от которого Пейтон захотелось пройти сквозь экран и выдавить ему глаза. – Как вы понимаете, это очень деликатная тема для всех в Эй-эн-эн.

Джим приставил левую ладонь к левому уху, возвел взгляд к небесам и едва заметно кивнул. И тут до нее дошло: его «ведут» продюсеры. Ее продюсеры! О господи! Это Шон? Почему она стоит здесь, на беговой дорожке, а Джим в

эфире? Окаменев от ужаса, Пейтон не сразу заметила, что происходит на экране, переключившемся на место событий. Дверь распахнулась, из подъезда вышли двое мужчин в темных костюмах и огляделись. За ними следовали двое полицейских, мужчина и женщина, а посередине… ее муж.

Небольшая, но шумная толпа репортеров начала выкрикивать вопросы, Джим продолжал что-то говорить, но Пейтон не разбирала слов. Она нагнулась ближе к экрану. Айзек выглядел как обычно: фланелевая клетчатая рубашка, старые брюки цвета хаки, шерстяные сникерсы, которые носят все представители высшего среднего класса, включая женщин и детей, – только вот челюсти были сжаты так сильно, что мышцы шеи напряглись. Увидев, что он в наручниках, Пейтон схватилась за сердце.

– Как я уже сказал, это удар по нашей компании. Но для нас в Эй-эн-эн на первом месте наши дорогие зрители, и мы решили, что не имеем права молчать об аресте Айзека Маркуса, супруга нашей ведущей Пейтон Маркус, – трагическим тоном произнес Джим. – ФБР сообщало, что ожидается вторая волна арестов, связанных с поступлением в колледжи. Похоже, сегодня они выполнили свое обещание.

– О господи, – сказала вслух Пейтон. А может, закричала, прошептала или просто подумала.

Джим опять прижал ухо.

– Да, в настоящий момент я могу подтвердить, что Айзек Маркус, муж нашей ведущей Пейтон Маркус, задержан в связи со скандалом с поступлением. Хотя мы пока не знаем, какие именно обвинения предъявлены, они скорее всего аналогичны тем, которые имели место в прошлом году, а также сегодня утром.

В кармашке для журналов на тренажере загудел телефон. Пейтон схватила трубку и побежала к выходу. Звонил Шон.

– Ты не можешь заткнуть Джима? – прошипела она. – Отключи его!

– Извини. Он уже уходил, как вдруг пришло новое экстренное сообщение. Ему пришлось задержаться.

– Ты ведь не думаешь, что Айзек… – Пейтон промчалась мимо стойки и выбежала на тротуар.

– Нет! Но я в любом случае не могу запретить Джиму освещать этот эпизод. И ты прекрасно понимаешь, что он меня не послушает, хоть я и ответственный продюсер.

У нее сдавило горло.

– Ладно, мне надо идти. Я должна выяснить, что происходит. Просто не понимаю…

– Дай знать, если нужна…

Остаток пути к дому, где сцена из телевизора разыгрывалась вживую, Пейтон бежала. Она сама не знала, почему не кричит имя мужа: инстинкт, шок или здравый смысл, – только Айзек увидел ее раньше, чем репортеры. Он наклонился к одному из детективов и что-то сказал. Тот кивнул и знаком показал полицейскому, чтобы он позволил Пейтон подойти.

– О господи, с тобой все в порядке? – спросила она, растерявшись и ругая себя за глупый вопрос.

Надо подойти к Айзеку, взять за руку, обнять. Агент, который разрешил ей приблизиться, бросил на Пейтон предостерегающий взгляд: сохраняй дистанцию.

Со всех сторон вспыхивали камеры. Воздух вокруг нее гудел. Пейтон Маркус? Неужели это не сон: им повезло своими глазами наблюдать трагические события в семье знаменитой ведущей? Более того, она в легинсах, спортивном бюстгальтере и без макияжа!

Губы Айзека прижались к уху, она почувствовала горячее дыхание и услышала, как он сказал:

– Ничего никому не говори. Ни единого слова. Поняла?

Пейтон кивнула. Мужа втолкнули на заднее сиденье машины, дверца захлопнулась. Через затемненное стекло ничего не было видно.

– Что вы можете сказать об обвинениях, выдвинутых вашему супругу?

– Это произошло неожиданно или вы знали, что его задержат?

– Считаете ли вы конфликтом интересов свое участие в репортаже об истории, в которой замешан ваш муж?

– Какие шаги намерены предпринять вы и Айзек в профессиональном плане?

Вопросы сыпались со всех сторон, а Пейтон стояла как соляной столб, пока не почувствовала на плече чью-то руку. Она сбросила ее, но услышала знакомый голос:

– Пойдемте, миссис Маркус.

Швейцар Питер провел ее сквозь толпу в вестибюль, где, к счастью, не было ни души. Она смотрела на него, не зная, что делать, как отблагодарить доброго человека, который вытащил ее из ада.

Он вызвал лифт и придержал дверь.

– Если позволите совет, не отвечайте на телефонные звонки. А я прослежу, чтобы к вам никто не поднялся без разрешения.

– Спасибо, – прошептала она в закрывающуюся дверь.

И тут вспомнила: Макс.

– Макс? – крикнула она, толкнув незапертую дверь. – Ты дома?

Тишина. Пейтон не дождалась ответа и почти обрадовалась, что комната дочери пуста. Но где Макс и как с ней связаться?

Сначала она отправила сообщение: «Срочно позвони, это очень важно», – затем еще одно: «911!!!!». Автоответчик.

Что делать? Кому звонить? Матери? Подруге? Адвокату? Да, адвокату. Соседке по студенческой комнате Нише, которая окончила юридический факультет в Йеле, а затем ушла из офиса окружного прокурора США и открыла свою контору по управлению кризисными ситуациями. Ниша – прекрасный специалист и настоящий боец, всегда знает, что делать. Спокойно! Позвонить Нише.

Пейтон охватила паника. Сейчас она может позвонить только одному человеку.

Скай взяла трубку после первого гудка.

– Ты это видела? – спросила Пейтон.

Сестра долго молчала, а когда наконец заговорила, ее голос был спокоен и серьезен:

– Ты в глубокой жопе.

Глава 3

Просто неотразима

– Большой ванильный латте, очень горячий, без пенки, для Макса! – крикнул из-за прилавка бариста.

Макс вскочила с кресла и поспешила к стойке.

– Спасибо, – сказала она, отметив про себя, что парню очень идет нарочито небрежная прическа с волосами до плеч.

– О, привет! Ты девушка?.. – улыбнулся бариста.

Макс осмотрела себя в зеркале с ног до головы, как будто тоже удивилась, и покраснела.

– Извини, – сказал парень, заметив ее смущение.

– Нет, все нормально, – пробормотала она и чуть ли не побежала на свое место.

Да что с ней такое? Почему она не может обменяться двумя словами с симпатичным парнем, которого видит первый и последний раз в жизни? Сгорая от стыда, она сделала большой глоток кофе, который немедленно обжег язык и горло. Обжигающую жидкость пришлось выплюнуть. Да уж, магнит для парней!..

Она промокнула салфеткой пятно на футболке и украдкой взглянула за прилавок. Симпатичный бариста смотрел в другую сторону. Ясное дело – в кофейне полно привлекательных девушек, которые в состоянии поддержать дружескую беседу.

Макс провела пальцем по сенсорной панели ноутбука. Она редактировала ролик тренировки по боксу, отснятый на днях. Последние несколько месяцев она занималась с маминым тренером, Кендриком, в спортзале, который находился в их доме, и наконец почувствовала себя достаточно уверенно, чтобы заснять тренировку, подвесив камеру к высокому тренажеру. Теперь, просматривая ролик, она поразилась увиденному. Двадцать-тридцать секунд отточенных боксерских движений станут прекрасным началом для дневного видеоблога, а если подобрать классную музыку и субтитры со словами Кендрика: «Никогда не сдавайся!», то получится отличный переход к ее мыслям о недавнем решении Верховного суда. И в обоих случаях прекрасно подойдет новый шрифт в стиле граффити.

Макс сканировала, вырезала, вставляла, сокращала… Люди вокруг входили, выходили, пили кофе, болтали по телефону, радовались пятничному утру, предвкушали выходные. Макс ничего особенного не планировала. Бринн уехала, остальные одноклассники занимались всякими интересными делами, которыми должны заниматься люди летом перед поступлением в колледж, а ей было совершенно нечего делать. Разве что порыбачить с папой. Или поссориться с мамой.

Макс глотнула воды из новой стальной фляжки, подаренной матерью. «Я читала, что они самые крутые, их все покупают», – сказала мама, вручая подарок. В этом она вся. Если такие бутылки покупают все – значит, надо брать. Не важно, нравится ли тебе вещь, нужна ли, полезна ли – все будут считать тебя крутой. Смешно. Упрекаете подростков в зависимости от мнения друзей? Посмотрите на манхэттенских мамаш!

Как с уроками бокса, например. Мать ухитрилась заинтересовать ее хоть чем-то, близким к спорту, и превратила это в совсем другое, а именно – в похудение. Хотя, конечно, никогда бы в этом не призналась. Пейтон всегда тщательно маскировала свою озабоченность социально приемлемыми выражениями, почерпнутыми у специалистов по поведению тинейджеров. С тех пор как Макс исполнилось тринадцать, мать начала сыпать лозунгами: «Физические упражнения помогают добиться любой цели», «Хорошая физическая нагрузка – лучшее средство от бессонницы», «Тренировки – куриный супчик для души». Макс слышала в этом одно: «Смотри не растолстей», вернее: «Смотри не растолстей еще больше». С таким же энтузиазмом Пейтон проповедовала полезную еду. «Я люблю начинать прием пищи с большой порции салата – это отличный способ насытить организм полезными элементами». «Правильное питание – ключ к крепкому здоровью». И любимое высказывание: «Всей нашей семье необходимо сосредоточиться на правильном питании – это никому из нас не помешает». Черт, смешно ведь! Отец генетически не склонен к полноте, а мама посвятила сохранению фигуры всю свою жизнь. Эти комментарии предназначались Макс, и никому больше.

Безумие какое-то. Да, она действительно набрала пару килограммов за последние несколько лет. Это называется «половое созревание». Когда Макс только вступила в подростковый возраст, то, стыдясь своего тела и злясь на весь мир, очень болезненно воспринимала мамины намеки. Дело осложнялось и тем, что мать была повернута на собственной внешности. Макс видела, как мать превращается из обаятельной и профессиональной новостной журналистки в стереотипное холеное существо с гладким лицом, не имеющее возраста, которое так нравится зрителям. Теперь, в семнадцать, Макс наконец поняла: то, что мать все еще цепляется за свои впалые щеки, не означает, что это должна делать она сама. Она имеет право любить свою грудь четвертого размера и округлые бедра и считать свою задницу чертовски привлекательной в джинсах с высокой талией. Что с того, что у нее между бедрами нет треугольной дырки, которой сверкают все модели в «Инстаграме»? Макс читала о нереалистичном давлении на девушек, о вреде фотошопа, о расстройствах пищевого поведения. Ее раздражало, что она, гордившаяся своим телом, вынуждена выслушивать всю

эту чепуху о диетах от своей матери, которой остался один шаг до анорексии. Разумеется, если обвинить Пейтон, она будет все отрицать. «Дело не в худобе. Я говорю всего лишь о здоровье и о том, что нужно следить за собой».

Макс закончила редактировать ролик и просмотрела его дважды, желая убедиться, что ничего не пропустила, затем, удовлетворенная, нажала «опубликовать» и затаила дыхание, дожидаясь, пока он загрузится. Получив подтверждение, выдохнула и покинула сайт.

Ее внимание привлек взрыв смеха у входной двери. Подняв голову, она увидела троицу одноклассниц из Милфорда и немедленно пожалела, что не выбрала кафе в центре или где-нибудь в районе Адской кухни. Макс съежилась в кресле и отвернулась к стене. Три дня назад, надев подобающее случаю белое платье и получив аттестат, она подумала, что Милфордская академия в одночасье исчезнет вместе со всеми учениками в одинаковой клетчатой униформе, растворится в воздухе как по мановению волшебной палочки, навсегда уйдет из ее жизни. Не тут-то было.

– Скорей, девчонки, мы опоздаем! – крикнула самая высокая, Люси, грациозная и длинноногая.

Она серьезно занималась фехтованием. Очень милая. Не красавица, но для университета Карнеги – Меллона вполне годится. Ей составляли компанию Джозефина (Станфорд) – папа-миллиардер, и Энн Мари (Корнелл), которая, несмотря на двойное имя и экзотический акцент, родилась и выросла в Верхнем Ист-Сайде.

– Нет, вы только посмотрите! – сказала Энн Мари, подняв пачку шоколадных крекеров, словно это были редкие бабочки, покрытые тончайшей пыльцой. – Хочу!

Макс бросила взгляд за прилавок и заметила, что симпатичный бариста тоже уставился на Энн Мари. Неожиданно!

– Ой, это ведь Макс? – спросила Джозефина, указывая на Макс. – Точно! Привет, Макс!

Люси возглавила процессию к столику Макс. Что это у нее на голове? Корона из косичек? Видно, что в салоне делала. И как ей это удается? Макс тронула рукой свои растрепанные локоны и задумалась, когда в последний раз хотя бы кончики подстригала.

– Привет.

– С ума сойти! Кто бы мог подумать, что мы тебя здесь встретим, – поразилась Люси.

«Ну конечно, если у меня хватило глупости выбрать кафе по дороге от школы к дому», – подумала Макс, а вслух как можно дружелюбнее произнесла:

– Да, просто невероятно.

– Что читаешь? – наклонилась к ней Энн Мари. – Кажется, я видела эту книгу у мамы.

Макс подняла со стола биографию Александра Гамильтона в твердой обложке:

– Да, неплохая книга. Я вообще-то жду друзей. Едем на пляж, а я решила сначала заправиться кофеином.

Как только слова сорвались с ее губ, Макс стало безумно стыдно. Почему ее так волнует, что о ней подумают?

– Конечно, – кивнула Люси. – Мы тоже в ту сторону. Погода просто изумительная.

– Угу, – буркнула Макс и, вспомнив, что хотела быть дружелюбной, добавила: – Надеюсь, там не ужасные пробки.

– Ладно, приятно было увидеться, – сказала Энн Мари и потянула Люси за руку. – Нам пора. Пока, Макс.

– Хорошего дня! – крикнула из-за ее плеча Люси.

Макс провела взглядом девчонок, которые забрали у стойки свои напитки, добавили молоко и сахар и вышли, хихикая. Только сейчас она заметила их наряды: короткие юбочки, обрезанные джинсы, выглядывавшие из-под маек лямки купальников. Они действительно ехали на пляж.

«Вот хрень», – подумала она, пытаясь сосредоточиться на книге, но в голову лезло совсем другое. Она окончила школу, не имея ни одной подруги. Разве ее кто-то слушал, когда она говорила, что не хочет учиться в Милфорде? Стремление получать самые высокие оценки, проходить самые продвинутые курсы и любой ценой попасть в Лигу плюща превратило всех в этой школе в бездушных роботов, готовых убить друг друга, только бы добиться цели. Разве ее слушали, когда она из года в год просила… нет, умоляла перевести ее в Ла Гуардия, Сент-Энн или Френдс – отличные школы, с более творческим подходом? Никто и никогда. Нет, не совсем так. Папа слушал, но мама легко побеждала в споре с помощью «неопровержимых фактов». «Милфорд – самая престижная школа в городе, и Макс признают клинической идиоткой, если она добровольно отдаст свое место, которое, между прочим, обеспечили ей еще в детском саду». Макс это бесило. «Самая престижная». «Труднее всего попасть». «Единственная и неповторимая». Как будто жизнь – нарисованная под линейку ровная дорога, и каждое направление, решение или возможность имеет точную цену, если, конечно, ты можешь выбирать.

«Плевать», – подумала Макс, возвращаясь к книге. Вся эта чушь со школой уже позади. Лето она проведет у тети Скай, о чем мечтала весь год, а потом поедет в колледж и начнет новую жизнь. Она достала телефон и написала Бринн в «Ватсапе»: «Я неудачница. Прикинь, только что встретила Люси, Джозефину и Энн Мари. В «Старбаксе».

Макс подождала минуту и вспомнила о разнице во времени с Гонконгом. Вновь взялась за книгу, но, так и не сумев сосредоточиться, собрала вещи и вышла.

– Хорошего дня! – крикнул вслед симпатичный бариста.

Она смущенно помахала рукой.

Стоял теплый для начала июня день, люди запрудили Лексингтон-авеню, спеша по обычным делам. Если пойти сейчас домой, интересно, мама еще в спортзале? Макс сейчас вовсе не хотелось выслушивать мамину болтовню – после каждого

эфира Пейтон испытывала эмоциональный подъем. Она так задумалась, что не сразу услышала писк телефона.

«Фу, ты не могла придумать что-нибудь поприличнее «Старбакса»?» – написала Бринн.

«Значит, не могла».

«Что случилось?»

«Я поняла, что после твоего отъезда у меня не осталось ни одной подруги».

«Дружбу часто переоценивают», – написала Бринн.

«Точно».

Макс улыбнулась и посмотрела на часы. Пейтон обычно возвращалась из спортзала не раньше половины одиннадцатого, значит, она успеет пробраться в свою комнату. Папа может быть дома: крутит педали на тренажере или сидит на телефоне, – но он не действует на нервы, как мать. Макс проплелась пару кварталов в сторону своего дома и присела на скамейку у цветочного магазинчика. Солнце пригревало, а флорист, пожилая женщина с крутой панковской прической, улыбнулась ей и подняла большие пальцы. Макс открыла телефон и, не удержавшись от соблазна, зашла в «Инстаграм».

Первое, что она увидела в ленте, – фото Люси и Энн Мари в обнимку на заднем сиденье машины, судя по всему – такси, имитирующих страстный поцелуй. Заголовок: «Счастливого выпуска, моя вторая половинка. Я люблю тебя сильнее с каждым днем. Спасибо, что ты есть в моей жизни». И, конечно же, сердечко и смайлик. Дальше: Джозефина, Люси и Энн Мари возле кафе у заправки на хайвее, все трое – с ярко-голубым мороженым и улыбками до ушей. Заголовок: «Друзья навек». Еще троица: на крыше машины на стоянке, истерически хохочущие в камеру. Заголовок: «Буду скучать по этим девчонкам! Крутяшкииии!».

«Задолбали», – сердито подумала Макс, переключилась на свой ютуб-канал и с приятным удивлением обнаружила несколько десятков новых комментариев.

«Отлично!».

«Можешь сказать, какую камеру используешь?»

«Привет с Западного побережья! Ты меня не знаешь, но я твоя поклонница!»

Макс ответила всем, кто написал личные сообщения. Она гордилась роликом, чувствовала, что это одна из ее лучших работ, однако не ожидала такого отклика, такой теплой поддержки. Она знала, что талантлива. Подсознательно понимала, как заснять эмоции, а если снимать было нечего, могла их придумать. Представить только, что бы она сделала, имея нужные ресурсы! Жаль, что она не начнет этой осенью учиться в институте кино в Лос-Анджелесе. Конечно, Принстон тоже чертовски круто. Родители не уставали повторять, что любой выпускник на планете Земля, не задумываясь, отдал бы руку или ногу, чтобы туда попасть. Макс бунтовала, не желая поступать в прилизанный, слишком консервативный университет, расположенный чересчур близко к дому, и все же поддалась на уговоры родителей подать документы заранее, в прошлом году.

– Вот увидишь, тебе понравится, – убеждал папа. – Я провел там лучшие четыре года своей жизни.

– Потом ты сможешь поступить в киношколу, – ворковала мама. – Но сначала получи образование мирового уровня.

– Институт кино тоже мирового уровня, – спорила Макс.

Родители, проявляя редкое единодушие, стояли на своем.

– Просто подай документы.

Холодным декабрьским днем на электронную почту пришло письмо о зачислении, и Макс поняла, что не будет больше никаких обсуждений и ей не позволят подавать документы куда-то еще, тем более в киношколу.

– Возможностями получить образование в университете Лиги плюща не разбрасываются.

Мама сказала это таким убежденным и непререкаемым тоном, каким говорят, что вакцины спасают жизнь или что Земля вращается вокруг Солнца.

И папа, несмотря на то что всегда поддерживал творческие начинания Макс и проповедовал независимое мышление, согласился.

Зазвонил телефон. Сначала Макс подумала, что это мама: хочет сказать, что идет домой, и спросить, где она, – уже собиралась отклонить звонок, как вдруг заметила, что звонит Бринн.

– Который у вас час? – спросила Макс. – Погоди, еще и десяти вечера нет? А я почему-то подумала, что ты уже…

– Макс… – каким-то странным голосом произнесла Бринн.

– Да, я здесь. Ты меня слышишь?

– Ты где? Включи телевизор. Немедленно.

– Не могу, иначе столкнусь с мамой, и придется выслушивать, как великолепно она себя чувствует после…

– Макс, немедленно включи Си-эн-эн. Извини, я не хотела…

– Ладно, сейчас.

Макс поставила телефон на громкую связь, открыла приложение Си-эн-эн и нашла иконку «смотреть прямую трансляцию». Изображение появилось в ту же секунду, только она не сразу поняла, что происходит на экране, а когда сообразила, пришла в ужас.

– О господи!

– Это твой папа? – спросила Бринн.

– О господи! Что это? Погоди… Наш дом. Прямое включение… Я всего в паре кварталов. Ничего не понимаю.

– Где твой отец?

– Я… я не знаю. Дома? Кажется, был дома, когда я уходила, два часа назад. Не помню. Боже мой, Бринн! Он в наручниках!

– Должно быть, ошибка! Твой папа не мог сделать ничего плохого. Он такой… Погоди… Это твоя мама?

Макс с ужасом смотрела на мать, в нелепом спортивном лифчике и легинсах, бежавшую к окружившим отца людям. Камеры находились слишком далеко, чтобы передать звук, но Макс видела, как папа наклонился к маминому уху.

– Я пойду! – Макс так резко вскочила, что чуть не перевернула скамейку.

Несколько кварталов до дома она пробежала, не помня себя. Толпа уже начала рассасываться. Ни мамы, ни папы не было видно. Она вбежала в вестибюль и крикнула:

– Питер! Что происходит?

Несколько человек на тротуаре обернулись. Пожилой швейцар, которого она знала много лет, выглядел расстроенным.

– Наверное, лучше спросить у миссис Маркус, – опустив голову, сказал он. – Я только что посадил ее в лифт.

Макс оцепенела. Она поняла, что зашла в лифт, только когда двери закрылись и кабина понесла ее наверх, навстречу неизвестному будущему.

Глава 4

Много работы и мало денег

– Умираю…?– простонала Скай, массируя через прилипшие к телу легинсы правое бедро.?– Не могу встать.

Эстер рассмеялась. Они сидели на деревянных скамейках рядом со студией.

– Хорошо, что я не привела тебя на настоящую тренировку по бикрам-йоге.

Скай утерла пот со лба:

– А это какая была?

– Восстановительная. Мы едва шевелились.

– Скай! – окликнула ее хрупкая, очень спортивная женщина в легинсах с высокой талией и коротком топике. – Никогда тебя здесь не видела!

– Я первый раз, – прохрипела Скай.

Женщина кивнула и пошла дальше.

– Кто это? – поинтересовалась Эстер.

– Белинда Дэниелс. Ее дети учатся в пятом классе, в третьем и, кажется, в подготовке. Она руководит родителями, которые добровольно помогают в школьной библиотеке.

Из студии вышли еще две женщины. Они непринужденно болтали, точно все это время спокойно гуляли по парку, а не выворачивали свои суставы в изнуряющей духоте. Обе тоже были в дизайнерской спортивной одежде. Та, что в неоново-розовом, сказала:

– О, Скай, чудесно, что я тебя встретила! Ты успела обдумать закуски на чаепитие для писателей? Я помню, что мы остановились на сконах, но в наше время бедные детишки едят столько вредной пищи! Как думаешь: может, лучше что-нибудь безуглеводное? Может, фрукты на шпажках и какие-то полезные

соусы? Неплохо бы еще смузи, конечно, с бумажными соломинками.

– Отличная идея, Мэл, – подняла большой палец Скай. – Мне нравится.

– А это кто? – тихо спросила Эстер, когда женщины стали удаляться в сторону бутика.

– Мэллори Сэллинджер. У нее близняшки в третьем и ребенок с особыми потребностями в первом, как Аврора. Она тоже классный родитель. В смысле помогает учительнице в классе. Со второй я лично не знакома, но она здесь просто повсюду. Джейн Бенедикт. Точно знаю, что ее младший ребенок в пятом классе, а остальные взрослее: по-моему, один в средней, а другой даже старшеклассник. Слышала, она баллотируется в финансовый комитет.

Эстер промокнула лоб полотенцем.

– Я хожу сюда по субботам уже целый год и никого не знаю.

Как по команде, к Скай подошел мужчина в черной футболке и черных шортах, сел рядом с ней, положив на плечо мускулистую потную руку.

– Что ты здесь делаешь?

Скай старалась не думать о том, что они оба потные.

– Привет, Кенни. Познакомься с моей подругой Эстер. Это она меня сюда привела.

Они обменялись любезностями, и Кенни сказал:

– Мне пора бежать, я напишу тебе сегодня, чтобы уточнить дату следующего музейного утра, ладно? Миссис Харни требует с меня расписание.

– Конечно. Сделаем обязательно.

Скай помахала Кенни, и тот потрусил прочь. Эстер подняла брови.

– Это Кенни Голдберг. Или Голдман. Нет, Голдштейн. Короче, что-то еврейское. Папа-домохозяйка. Его муж постоянно в командировках, три недели в месяц. Сурово, да?

Она осознала свою ошибку, едва слова успели сорваться с губ.

– Извини. Я без намеков.

Эстер отмахнулась:

– Я не променяла бы Тришу на всех мужей в мире. Она готовит, убирает, воспитывает моих детей, и при этом я не обязана с ней спать. Она лучше всех.

Скай засмеялась:

– Давай выпьем кофе. Со льдом.

– А разве нам не пора? Я бросила на твоего мужа обоих своих детей.

– Все в порядке. Не сомневайся: как только мы вышли из дома, он воткнул всю компанию в телевизор, – сказала Скай, наконец остывшая до такой степени, чтобы надеть тонкий джемпер.

Они перешли дорогу.

– И все же очень любезно с его стороны присмотреть за моими, – сказала Эстер. – Когда Триша уезжает в Тринидад, у нас все летит вверх тормашками.

– Не понимаю, как тебе удается, – заметила Скай. – Я ничего не успеваю с одним ребенком, хотя не работаю. А ты справляешься с двумя и работаешь на полную ставку, да еще без партнера.

Эстер пожала плечами. Ее фигура представляла собой прямую линию – ни одного изгиба или закругления, а лицо – полную противоположность: в форме сердечка, с мягкими нежными чертами, будто размытыми в фотошопе. Естественно розовые губы. Щеки как яблоки. Темные волосы, густые и блестящие – подарок от матери, красавицы филлипинки.

– А что мне остается? Видишь ли, я знала, на что иду. Когда решаешься купить сперму в Интернете, обычно уже неплохо понимаешь, во что ввязалась.

– А мне кажется, ты себя недооцениваешь. Растить одного ребенка в одиночку уже сложно, а двоих, работая при этом пятьдесят часов в неделю, – выше человеческих сил.

Подруги забрали в конце стойки кофе и устроились за угловым столиком.

– Как бы то ни было, ты самая преданная мать, которую я встречала. Авроре с тобой невероятно повезло, – сказала Эстер.

– Я? – закатила глаза Скай. – Я профессиональный волонтер. Дежурю на переменах, помогаю учить детей компостированию отходов, разнимаю драчунов в столовой, расставляю книги в школьной библиотеке, исполняю обязанности президента учительско-родительского совета и казначея клуба новичков, слежу за водной горкой на пикниках и за очередью класса на научной ярмарке, занимаюсь с герлскаутами, продаю одежду с логотипом школы на ярмарке в день выборов… Если тебе интересно, наш бестселлер – футболки с переливающимися блестками.

Эстер засмеялась:

– Так это благодаря тебе наша школа одна из лучших в штате. Ты настоящее сокровище!

– Я не закончила! – оборвала ее Скай. – А сколько всяческих лекций и занятий я посещала! Ума не приложу, куда применить этот грандиозный багаж знаний. Не считая курсов, что мы прослушали перед удочерением Авроры, я теперь эксперт по стрессу, тревожным расстройствам, социально-эмоциональному интеллекту, распространенным травмам от чрезмерных занятий спортом, СДВГ, по вейпингу и ответственному воспитанию, а еще по одаренным детям и буллингу. Я выслушала кучу специалистов, которые говорили, что я должна защищать Аврору от всех и вся, а другие советовали оставить ее в покое, если я хочу, чтобы она выросла самостоятельной.

– Хватит! – засмеялась Эстер.

– А еще я собирала деньги на благотворительность: на собак, софтбол, грамотность – на все, что хочешь. Чего я только не продавала: формочки для брауни, наклейки на машины, чтобы Абингтонская начальная школа могла приглашать на ассамблею второклассников известных детских писателей, танцоров из Бразилии и знаменитые джазовые квартеты…

– Недавно к нам приезжали сестры Буш, да? Со своей новой детской книжкой?

Скай кивнула:

– Я устала. Выгорела. Я знаю, что не должна этого говорить, потому что надо быть благодарной и смиренно радоваться тому, что есть, и все понимаю, только… – Она подалась ближе к Эстер и понизила голос до шепота: – Мне ужасно скучно. Думаю, я не понимала, до какой степени, пока в прошлом году Аврора не пошла в первый класс на весь день. Я хочу вернуться на работу.

– Ты серьезно?

– Вполне. Меня давно посещали эти мысли, только ведь глупо отдавать всю зарплату няне. А теперь, когда Аврора целыми днями в школе…

Голос Скай прервался:

– Но мне не очень-то хочется преподавать в местных школах.

– Правда? – засмеялась Эстер. – Странно!

– Я собираюсь довести до ума резиденцию для девочек, а потом поискать работу в городе: в Куинсе или в Бронксе – туда не так сложно добираться.

– А что думает Гейб?

Скай пожала плечами.

– В принципе он не против. То есть, дай ему волю, мы бы все бросили и переехали в Австралию. Он постоянно твердит о том, какой там высокий уровень

жизни.

– Да, только там нет работы. И люди несерьезные. Впрочем, и таких безумных родителей, как у нас, там наверняка нет. – Эстер помолчала. – Но вы же не переезжаете в Австралию?

– Конечно, нет. Гейб любит Парадайс и всегда говорит, что это идеальное место, как в кино. А я скучаю по городу. Может, даже не по жизни, а по работе. Было невероятно интересно общаться с такими разными детьми: разного происхождения, с разными взглядами, – наблюдать, как их культура и традиции влияют на отношение к учебе и творчеству. Мне нравилось смотреть, как у них начинает что-то получаться – порой не сразу. Не могу объяснить, но там все было… совсем по-другому. Лучше.

– Очень хорошо тебя понимаю, – пробормотала Эстер.

– Я собрала неформальную группу… консультантов, что ли, за неимением лучшего слова. Их четверо. Все цветные. Две – педагоги, а две – психологи. Я советовалась с ними, как облегчить девочкам переход в другую школу. Они мне очень помогли, а кроме того, общение с ними вдохновило меня вернуться к профессии.

Телефон Скай заплясал по столу.

– Прости, Гейб пишет, что встреча начнется на полчаса раньше, и ему нужно ехать в офис.

Эстер вскочила с места.

– Пойдем его спасать. Можно Авроре к нам на остаток утра? Мне легче, когда она у нас: мои чудовища ведут себя получше.

– Скай, это ты? – пропел женский голос откуда-то от прилавка.

– Нет! – прошептала Эстер, но Скай уже помахала рукой и натянуто улыбнулась:

– Они все равно меня увидели.

К ним подошли три женщины, практически близнецы тех, кого они встретили на йоге.

– Вы знакомы? – спросила Скай. – Моя подруга Эстер. Эстер, это Бекки, Дениз и Ана, мамы мальчиков из третьего класса.

Эстер убрала с глаз челку.

– О, правда? И вы все в Абингтоне? Мой сын тоже в третьем классе.

Молчание. Мамы повернулись и посмотрели на Эстер, внезапно воспылав к ней интересом.

– А кто ваш сын? – спросила Дениз, вожатая девочек-скаутов.

– Крю. Он учится в классе миссис Гудвин.

– О-о-о, у вас в этом году миссис Гудвин? И как? – спросила Ана.

– Вроде бы нормально, – пожала плечами Эстер. – Крю не жаловался.

– Ужасная женщина! – воскликнула, потрясая пышными кудрями, Дениз. – Старой закалки. Очень строгая. Конечно, хорошо, что ваш сын не жаловался, но, возможно, мальчик просто боится сказать, что она ему не нравится? В прошлом году я написала письмо директору, что мы не потерпим миссис Гудвин в своем классе.

Ее подруги закивали.

– После такой учительницы у детей могут быть психологические проблемы, – мрачно заявила Бекки.

Как ни старалась бедняжка придать себе озабоченный вид, ботоксный лоб не хотел морщиться, и создавалось впечатление, что она бессмысленно таращится в пространство.

– Ой, уже почти девять, – спохватилась Дениз. – Если я через пятнадцать минут не заберу Брайсона с товарищеского матча по лакроссу в Ларчмонте, мы опоздаем на бейсбол. И кто только составляет расписание?

Ана и Бекки тоже встали и объявили, на случай если это кому-то интересно, что у них две тренировки по плаванию и три игры в софтбол, а между ними шестичасовой турнир по футболу.

– Пусть Джейк даже не думает, что может целый день сидеть и смотреть бейсбол, – сказала Ана, вскидывая на плечо огромную сумку «Хлоэ» и едва не угодив тяжелой металлической пряжкой Скай в висок.

– Да, мужчин надо занимать, – авторитетно заявила Дениз. – Если твой муж не тренирует какую-нибудь команду, у тебя как будто появляется еще один ребенок. – Она повернулась к Скай. – На следующей неделе состоится последняя в этом году встреча герлскаутов. Увидимся там. Сможешь проверить расписание и связаться с мамашей, которая отвечает за перекус?

– Конечно, – пропела Скай.

Троица удалилась.

– Ну и ну! – сказала Эстер.

– Ты даже не представляешь, – отозвалась Скай.

– Начинаю понимать. Господи, и так каждый день?

Скай вспомнила родителей своих четвероклассников в Гарлеме. Кого только среди них не было: диджей, акушерка, социальный работник, два стоматолога. Многие работали в городских службах, несколько – домашними сиделками. Об одном папаше говорили, что он связан с мексиканскими картелями, хотя мужчина был очень вежливым и внимательным. А кое-кого она даже не знала в лицо. Они не приходили на родительские собрания, пропускали рождественский концерт и вечеринку в честь дня Святого Валентина, никогда не отвечали на электронные письма и звонки. Она каждый год подсчитывала, на скольких языках говорят ее ученики, и однажды получилось рекордных шестнадцать, не

считая английского и испанского.

– Нет, – ответила Скай, собирая мусор. – В Гарлеме совсем не так. Ты знаешь Дениз?

– С огромным кольцом, как у Кардашьян?

Скай кивнула.

– Прошлой осенью ее муж подрался с отцом другого мальчика на детском матче по футболу.

– Как подрался? Ты имеешь в виду поссорился?

– Ага, как же… Подрался! Двое взрослых мужчин катались по полю и орали, как лучше привести команду к Суперкубку Парадайса. Среди детей. К счастью, Гейб и еще один папаша их разняли, но драку увидели все шестилетки. Нет, правда, тебе приходит в голову что-нибудь менее важное, чем товарищеский матч по футболу между первоклассниками?

– Нет.

– Вот именно.

Эстер потерла виски.

– Знаешь, я никогда в жизни так не радовалась, что перерабатываю, а мне недоплачивают, а козел, на которого я работаю, меня не ценит. Нет, правда, мне повезло.

Они сели в машину Эстер и доехали до дома. Попрощавшись с Гейбом, Скай постояла у кухонного окна, провожая взглядом Аврору, направлявшуюся во двор к Эстер, затем пошла в душ и добрых десять минут стояла под струями воды. Выйдя из душа в двух полотенцах: вокруг тела и на голове, – она хотела найти музыкальный канал, но ее внимание привлекла заставка экстренных новостей.

– Ну что там еще? – пробормотала она себе под нос, щурясь на экран.

Камера наехала на лицо человека, которого заталкивали на заднее сиденье машины. Скай наклонилась ближе.

– О боже! Это…

Она обвела взглядом комнату, пытаясь вспомнить, где оставила очки. Что случилось? Должно быть, какая-то ошибка. Где Пейтон, она знает?

Журналисты на экране засуетились и подняли крик.

– Вы можете прокомментировать обвинения против вашего мужа? – выкрикнул один громче остальных.

Несмотря на плохое зрение, Скай узнала бы сестру где угодно, как мать узнает своего ребенка среди одинаково запеленутых новорожденных. Она стояла так близко к телевизору, что вода с волос капала на экран. Боже милостивый, это Пейтон! Скай давно привыкла видеть сестру на экране, но сейчас все было по-другому. Что за нелепая спортивная одежда? Почему такие растрепанные волосы и красное перепуганное лицо? Скай настолько поразил вид Айзека в наручниках и всклокоченной Пейтон, что она даже не поняла, кого и в чем обвиняют. Не помня себя, она опустилась на пол. Тело уже поняло, что случилось нечто ужасное, а мозг отказывался принимать информацию. В голове стучала одна мысль: Макс.

Где-то зазвонил телефон. Скай с трудом поднялась и нашла мобильный на умывальнике в ванной.

Ни она, ни Пейтон не проронили ни слова. Они ждали, слушая дыхание друг друга, слишком напуганные, чтобы говорить. Наконец Пейтон спросила:

– Ты это видела?

Скай набрала в грудь воздуха и выпалила:

– Ты в глубокой жопе.

Глава 5

У нас проблема

В двадцать второй раз за час зазвонил телефон. Пейтон сняла трубку с зарядной стойки на кухонном острове.

– Кеннет, мне нечего сказать, кроме того, что я сообщила тебе семь минут назад, – произнесла она как могла спокойно.

– А мне – есть, – со своей обычной прямотой ответил агент, с которым она проработала почти десять лет.

Лысый толстяк Кеннет, пережиток эпохи двух мартини за ленчем, годился ей в отцы, а то и в дедушки, однако был лучшим в своем деле и никому не позволял морочить ему голову, особенно Пейтон. Обычно она это ценила.

– Я же сказала, произошло недоразумение.

– Очень может быть – и ради тебя я надеюсь, что так и есть, – только, видишь ли, руководство недовольно тем фактом, что их любимая утренняя ведущая попала в заголовки. Если хочешь, чтобы я все разрулил, Пейтон, мне нужна ясность. Что, черт возьми, происходит?

Пейтон не могла сказать правду и продолжала импровизировать.

– Мы не первый день знакомы, Кеннет. Тебе придется поверить мне на слово, что у нас нет никаких проблем.

– У кого, интересно, нет проблем? У меня их действительно нет, а у тебя, кажется, есть. Джозеф, мягко говоря, обеспокоен. Он не поймет, если я стану голословно уверять его, что это недоразумение.

Загудел мобильный. Звонил Джозеф собственной персоной. Желудок подпрыгнул к горлу.

– Мне звонят, – сказала она Кеннету и отключилась, не дождавшись ответа.

– Пейтон, – проворковал Джозеф, – ты не хочешь объяснить мне, что происходит?

Он говорил с легким южным акцентом, растягивая слова, но Пейтон хорошо знала, что он любит обольщать людей, прежде чем раздавить их.

– Джозеф, – пробормотала она, прибегая к своему самому мягкому и профессиональному тону. – Конечно, это выглядит не очень хорошо, однако уверяю тебя…

– Не очень хорошо? – перебил он. – Мужа любимицы американских телезрителей арестовывают на глазах всего честного народа!.. Нет, ты скажи, домохозяйки из Оклахомы, которые каждое утро слушают истории о героических пожарных, хотят видеть, как твоего мужа отправляют в тюрьму за взятку? За то, что он выписал чек на сумму, превышающую годовой доход их семьи, чтобы засунуть любимое чадо в университет Лиги плюща?

– Айзек не давал никаких взяток, – уточнила Пейтон.

Официально ему предъявляли обвинение в почтовом мошенничестве, и она сама не очень понимала, что это значит.

– Ты была в курсе? – спросил Джозеф, застав ее врасплох. – Я знаю Айзека, он прекрасный человек, и уверен: он не мог сделать это без тебя.

– Я не…

– Я спрашиваю, ты в этом замешана? Мне надо знать, насколько глубоко мы в дерьме, чтобы решить, как быть дальше. Какую роль сыграла в этом ты?

Пейтон оцепенела. Джозеф ее любил. Он переманивал ее из Эм-эс-эн-би-си, приглашая на ленчи и обеды, практически преследовал, когда она сделала репортаж о незаконных методах добычи нефти в природном заповеднике на Аляске. Последние пять лет он наставлял и продвигал Пейтон. Лично прислал полуторалитровую бутылку «Дом Периньон» с восторженной запиской, когда она получила «Эмми» за лучшую новостную программу. А теперь даже не

сомневается в ее вине.

– Ты меня слышишь? – Джозеф больше не растягивал слова.

– Джозеф, я уже обратилась к лучшему адвокату, и скоро ты увидишь, что все это…

– Говори начистоту. Мы поняли друг друга?

Пейтон открыла рот, чтобы объяснить, но ее перебил новый звонок. Джозеф бросил трубку. Звонила Ниша.

– Привет, – выдохнула Пейтон.

– Я говорила с Клэр. Она подняла связи; поверь, она знает всех и вытащит Айзека до конца выходных. Она сейчас там. Ничего не обещает, но надеется на лучшее.

– Господи, Ниша, он не может ночевать в тюрьме.

– Если кто-то и способен его вытащить, то это Клэр. Она лучшая.

– Спасибо, – прошептала Пейтон.

Когда они учились в университете Пенсильвании, у Ниши была репутация настоящей оторвы. Спонтанная поездка в казино в индейской резервации? Пицца-кальцоне в три часа ночи? Текила на бранч? Пропустить игру ради тусовки? Веселиться всю ночь напролет? Ниша была всегда готова к приключениям. Даже Пейтон понятия не имела, что она не только развлекается, но и тяжело трудится, пока на последнем году обучения Нишу единственную из группы не приняли в юридическую школу Йеля.

– Помни, ты должна залечь на дно. Что бы ни случилось, не высовывайся. Айзек может добраться домой на такси. Не дай бог, если где-то всплывет фотография, на которой ты стоишь под полицейским участком на глазах у всей Америки. Это самое страшное, что может случиться.

– Знаю, – сказала Пейтон.

– Не отвечай на звонки с неизвестных номеров. Считай, что твою рабочую электронную почту читают – так и есть. Личную тоже. Сиди тихо. Это касается и Макс. Даже если придется конфисковать у нее все гаджеты и запереть в комнате. Никаких глупостей в соцсетях, под угрозой вся ваша семья.

– Понимаю. Я уже ей объяснила.

– Объясни еще раз. И еще.

– Вас понял.

– Мы не на учениях, – строго произнесла Ниша.

Удивительно было слышать это от подруги, которая часто рассказывала шокирующие истории о неподобающем поведении знаменитостей и миллиардеров. Когда Ниша ушла из прокуратуры и организовала частную фирму по управлению кризисными ситуациями, Пейтон обрадовалась: лучшая подруга снабжала ее отличными материалами. А теперь? Как получилось, что Пейтон сама стала ее клиенткой?

– Да, – пробормотала она.

– Послушай, Пейт, будет непросто: я хочу, чтобы ты знала, – но всегда буду помогать тебе, чем только смогу, понимаешь?

– Честно, Ниш, я очень ценю твою помощь. Но вся эта ситуация… раздута. Смешно: делают из мухи слона.

Ниша так долго молчала, что Пейтон заподозрила перебои со связью.

– Позвоню, когда что-то выясню, – тихо сказала наконец подруга и попрощалась.

Пейтон в недоумении посмотрела на телефон. Руки дрожали. Она никогда еще не слышала в голосе Ниши такой тревоги. Никогда. Конечно, подруга не знает всех подробностей, а когда узнает, то поймет, что этому придают слишком

большое значение.

Пейтон прошла по коридору и постучала в комнату дочери. Макс не ответила.

– Это я, солнышко. Можно войти?

– Нет!

Пейтон толкнула дверь:

– Макс, я только что говорила с Нишей. Она порекомендовала лучшего адвоката в Нью-Йорке, свою однокашницу из Йеля, ее зовут Клэр.

Дочь, сидевшая на кровати поверх покрывала, уставившись в ноутбук, с огромными наушниками на голове, не произнесла ни слова.

– Ты слышишь? – спросила Пейтон. – Макс! Макс! Сними, пожалуйста, наушники!

Девочка раздраженно стянула наушники и швырнула на кровать.

– Что тебе нужно?

– Я говорила, что Ниша…

– Да, слышала. Ниша и ее подруга адвокат. Что-нибудь еще?

– Она напомнила, что мы все должны держать рот на замке: я уверена, что ты и сама это понимаешь. Надеюсь, папа вернется в ближайшие часы, мы сядем и все спокойно обсудим.

Пейтон хотела прикоснуться к дочери, но та отстранилась. По тому, как Макс сжала губы и стиснула зубы, она поняла, что девочка с трудом сдерживает слезы.

– Что обсудим? Как родной отец разрушил мою жизнь? Спасибо, не хочется. Обойдусь как-нибудь.

Дочь вновь надела наушники. Пейтон впервые в жизни потеряла дар речи, хотя знала, что многое должна сказать. В голове все смешалось, и она просто закрыла дверь.

Загудел телефон. Эсэмэска от Скай: «Что там у вас?».

«Наняла адвоката. Надеюсь, Айзек скоро будет дома».

Пейтон нажала «отправить» и тут же задумалась: а вдруг кто-то читает ее сообщения? Ниша ведь предупреждала: ни с кем не общаться. Она прошла в общую комнату, прилегающую к кухне: небольшую и уютную, в светлых тонах, с обоями под кожу. В таком стиле, элегантно и без излишеств, была отделана вся квартира в современном доме со швейцаром: три спальни, три ванных. Пейтон ценила удобство и стиль. Они переехали сюда всего год назад, когда Пейтон стала утренней ведущей и получила солидную прибавку к зарплате. Ей здесь очень нравилось.

Она знала, что нельзя, и все же включила телевизор, настроенный на Эй-эн-эн. На экране появилось лицо Рене, и Пейтон затошнило, когда она поняла, что коллега и подруга рассказывает об Айзеке, но даже не сочла нужным ей написать.

– Как известно, окружная прокуратура выдвинула обвинения против Айзека Маркуса, супруга нашей ведущей Пейтон Маркус. Маркус, который занимается инвестициями в недвижимость, обвиняется в преступном сговоре и почтовом мошенничестве. Предполагают, что он заплатил некоему посреднику, чтобы обеспечить своей дочери место в университете Принстона, где учился сам.

Пейтон вздохнула: ею овладели отчаяние и бессилие – и схватила телефон. «Вот как? Ты даже не соизволила мне позвонить?» – написала она и пожалела о том, что сделала, едва отправив сообщение.

Разумеется, ответа не будет. Рене разве что передаст ее слова Дину, который ведет программу с пяти вечера. Подумать только: ни одна из ТВ-мам не позвонила и не написала, хотя обычно они связывались в любое время, практически каждый день. Они познакомились, еще будучи молодыми журналистками: по двадцать с хвостиком, – стали верными подругами и

соратницами, несмотря на сверхконкурентную и беспощадную профессию. Из ТВ-девчонок со временем превратились в ТВ-мамочек, а пятнадцать лет спустя в индустрии остались только Пейтон и Рене. И все же это были старые подруги по работе: те, кто всегда прикроет спину. Они тайком проносили в больницу суши и шампанское, когда Пейтон родила Макс, придумывали, как бороться с сексуальными домогательствами, организовывали свидания и ужины, если ты осталась одна, впала в депрессию, пережила развод или просто загрустила в день рождения. А теперь ее мир рушится, и никто не сказал ни слова поддержки!

Пейтон вновь проверила телефон. Три сообщения от мамы, два от Скай, голосовое – от Кеннета. Адвокат и Айзек молчат.

Она стала мерить шагами квартиру, начав с прихожей, прошла по коридору мимо комнаты Макс. Дальше располагались комната, служившая им с Айзеком кабинетом, гостевая комната с раскладным диваном и, наконец, просторная хозяйская спальня с видом на Центральный парк. Кухня и гостиная представляли собой единое пространство. Несмотря на простоту планировки, квартира идеально подходила для их небольшой семьи. Заглянув в кабинет, Пейтон увидела фотографию в рамке, которую лишь недавно поставила на свой стол: они с Айзеком на праздничной вечеринке Эй-эн-эн, счастливые и красивые, в вечерних туалетах. Шевелюра Айзека в его сорок два года ничуть не поредела и оставалась такой же темной, как в день их знакомства. Иногда он поднимал волосы и показывал, что якобы начинает лысеть, а Пейтон закатывала глаза и заявляла, что он теряет зрение, а не волосы. «И вообще иди к черту!» – говорила она мысленно, считая несправедливым, что муж становится с каждым годом интереснее. Обозначившиеся у рта морщины придавали ему счастливый вид, а толика соли с перцем в двухдневной щетине, которую он обычно носил, добавляла мужественности. Ярко-голубые глаза ничуть не выцвели и не потускнели. Глядя на фото, она испытала новый приступ паники. Как это могло случиться?

Пейтон подскочила от неожиданности, услышав звук открывшейся входной двери. Что за черт? Макс нарушила запрет и вышла? Не может быть. Швейцар не пустил бы никого наверх без ее разрешения, если только… Айзек? После разговора с Нишей не прошло и часа, его не могли отпустить так быстро. Он бы позвонил.

– Айзек, ты?

Она торопливо натянула хлопчатобумажный джемпер – голубой, его любимый, и вышла в коридор. Муж сбросил туфли и молча поднял голову. Несмотря на восемнадцать лет совместной жизни, у Пейтон учащалось дыхание от одной его улыбки. Только сейчас он не улыбался.

– О, слава богу! – поспешила она к мужу с объятиями и убрала с его лица непокорную прядь, поднявшись на цыпочки, но поцеловать не удалось: он отстранился и холодно спросил, избегая ее взгляда:

– Где Макс?

– У себя в комнате. Я сказала, что сегодня за ужином мы все обсудим.

Пейтон говорила наигранно бодро, как с дочкой в раннем детстве, а затем – когда у той начался подростковый период.

Айзек молча прошел к комнате Макс.

– Макензи?

Он постучал три раза и еще три.

– Открой, пожалуйста.

Даже не услышав ответа, Пейтон прекрасно понимала: Макс ни за что не откроет отцу, который якобы ее предал.

Айзек вернулся.

– Как ты могла? – спросил он дрожащим от гнева голосом. – После нашего разговора! После того, как я просил тебя не вмешиваться. Ты пообещала, что не станешь! Что ты натворила?

Пейтон подошла и осторожно взяла его за руку, но он отдернул ее.

– Давай сядем. Я налью вина, и мы…

– Ты следила за этой гребаной историей, Пейтон. Двух лет не прошло! Ты только об этом и говорила, тебе не терпелось всем об этом рассказать. Ты видела, что сделали эти идиоты: как они нарушили закон, как их посадили в тюрьму. И после всего этого ты идешь и делаешь то же самое?

Пейтон налила два бокала Пино Гриджио и посмотрела на мужа.

– Те родители нарушили закон намеренно и сознательно. Они платили людям, которые сдавали тесты за их детей. Они фотографировали детей, которых якобы взяли в команды по тем видам спорта, которыми они никогда не занимались. Это неслыханная глупость. А мы с тобой говорили совсем о другом.

– По-твоему, выписать чек за помощь в поступлении не является нарушением закона?

Пейтон покачала головой:

– Это все равно что дать деньги на лабораторию или на стадион. Люди делают это с незапамятных времен, и никто не сажает их в тюрьму. Разумеется, я никогда не стала бы мошенничать, как те родители.

– О господи, Пейтон! Признайся, будь добра: ты сама не веришь в то, что говоришь. Скажи, что ты понимаешь разницу – в реальной жизни и с точки зрения закона – между выписыванием чека на липовую благотворительность, чтобы твой ребенок поступил в колледж, и пожертвованием школе, от которого выиграет все общество. Пожалуйста.

– Все не так просто, – упрямо помотала головой Пейтон.

– В смысле? – спросил Айзек.

– Она никогда не поступила бы без небольшой подстраховки. Мы оба это знаем.

Айзек вытаращил глаза.

Пейтон набрала побольше воздуха:

– Ты думал, что, если у Макс хорошие отметки и неплохие результаты тестов, ее возьмут в Принстон? Весьма наивно. И не надо мне сказки рассказывать: ты хотел, чтобы она туда поступила, не меньше моего.

– Разумеется, хотел, – прохрипел Айзек, покрываясь красными пятнами. – Я хотел, чтобы Макс поступила в Принстон, потому что мне там нравилось: лучшие профессора, прекрасные программы, великолепный кампус, – и я надеялся, что там она найдет друзей в отличие от этой ядовитой, калечащей душу академии Милфорд, куда мы заставили ее пойти, потому что там учатся все дети из приличных семей.

Пейтон передернуло, хотя это был далеко не первый разговор о Милфорде.

– Мы отправили ее в академию, потому что это лучшая школа в городе, и большинство выпускников каждый год поступают в самые престижные учебные заведения страны. Тебе это известно. Мы приняли решение сообща.

– И зачем, спрашивается? Если ты собиралась купить ей место в колледже, то мы с таким же успехом могли отправить ее куда угодно.

– Айзек, милый, – спокойно сказала Пейтон, – мы вместе решили, что Принстон – идеальное место для Макс. Я сделала то, что сочла необходимым. Так поступают сотни, если не тысячи, родителей по всей Америке, желая помочь своим детям.

Айзек сердито отхлебнул из бокала.

– Она набрала тысячу четыреста восемьдесят баллов. У Макс отличные способности. Она поступила бы сама.

Глаза Пейтон расширились.

– Никто не любит Макс больше, чем я, и мы оба знаем, что она удивительная девочка. Но подобных кандидатов в университеты Лиги плюща – пруд пруди.

– Очень мило – говорить так о собственной дочери.

Пейтон подняла руку и начала загибать пальцы.

– Белая еврейская девочка из Манхэттена: раз, два, три. Никогда не играла первую скрипку в нью-йоркском филармоническом оркестре – четыре. Не создала собственную всемирно известную интернет-компанию – пять. Не открыла новый вид животных или растений – шесть. Не подвергалась серьезному физическому или психологическому насилию – семь. Чтобы добиться того, что у нее есть, Макс не пришлось бороться с бедностью, расизмом или каким-либо другим видом дискриминации – восемь. У ее родителей обычная сексуальная ориентация, и, насколько мне известно, у нее самой тоже – девять. Продолжать или хватит?

– Ну, пусть уже будет десять, – напряженно произнес Айзек.

– Несмотря на все эти невероятные преимущества, а может, благодаря им, она получила всего лишь тысячу четыреста восемьдесят баллов, что составляет средний уровень для таких школ, – десять. Понимаешь, о чем я?

– Нет, – сказал Айзек и поднялся.

– Пожалуйста, не уходи, – попросила Пейтон.

Она не могла вспомнить, когда видела мужа в таком состоянии. У нее вспотели ладони, а сердце выпрыгивало из груди.

– Мы ведь это обсуждали, Пейтон. Я тебе ясно высказал свое мнение. Ты пообещала.

В его голосе звучала неподдельная обида. Лучше бы он злился.

– Айзек, я просто сделала то…

Он прошел через комнату и обернулся.

– И последнее. Почему ты выписала чек с моего счета?

– Что? – удивилась Пейтон.

– Как получилось, что ты выписала чек с моего рабочего счета, ведь у тебя есть свой? И наш общий.

До этой минуты Пейтон ни разу не задумалась, какой использовала счет.

– Я не могла найти другую чековую книжку. Взяла ту, что попалась под руку. Разумеется, я не пыталась замести следы или что-то такое. Обычное пожертвование. Мне и в голову не пришло…

Айзек кивнул:

– И в голову не пришло, что ты можешь разрушить жизнь своей дочери.

Он посмотрел на нее со злостью и стремительно вышел. Хлопнула дверь кабинета.

Пейтон отхлебнула вина, но с трудом проглотила его, в горле встал ком. Они действительно обсуждали эту тему прошлым летом, когда Макс начала готовить документы для поступления, и Пейтон пообещала мужу отказаться от этой затеи. Она действительно отказалась. В начале последнего учебного года, когда лихорадка с поступлением достигла высшей точки и Айзек с Макс сходили с ума от волнения, Пейтон вспомнила гостя, который приходил на ее передачу. И все-таки не позвонила, потому что обещала Айзеку. А вот когда тот позвонил сам, будто, заранее установив камеры у них в квартире, знал, в каком они состоянии, взяла трубку и выслушала.

Она вновь сглотнула и вспомнила тот первый вечер, когда решила поговорить об этом с Айзеком: пятницу в конце августа. Они ужинали в итальянском ресторанчике недалеко от дома.

– У меня в программе сегодня был интересный гость, – подчеркнуто небрежно произнесла Пейтон, когда они сели за свой любимый столик.

Айзек наморщил нос:

– Та актриса, что настучала на Джонни Деппа? Все время забываю ее имя…

– Да, а после нее я брала интервью у известного консультанта по колледжам. Слышал бы ты, что о нем говорят: стоит ему взмахнуть волшебной палочкой, и твой ребенок окажется в Гарварде.

– Я не хочу, чтобы наш ребенок оказался в Гарварде и стал одним из снобов, которые только о нем и говорят.

– Учиться в Гарварде – круто, – сказала Пейтон.

– Макс не будет поступать в Гарвард.

– К чему спорить? Она и не собиралась туда поступать. В общем, этот консультант пришел рассказать о своей новой книге. Она называется «Взломать код», и в ней он объясняет лучшую стратегию для определения приоритетов учебных заведений, куда ты хочешь поступить, и рассказывает, что нужно делать, чтобы соответствовать критериям.

– Дай угадаю, – ухмыльнулся Айзек. – Он раскрывает свои секреты в твердом переплете по сходной цене двадцать два доллара девяносто девять центов.

– Дело не в книге, – отмахнулась Пейтон. – Я общалась с ним после интервью в артистическом фойе, сказала, что наша Макс в этом году оканчивает школу, и попросила совета.

– И что?

– Он спросил, куда мы подали документы и есть ли у нас там личные связи. А когда узнал, что ты окончил Принстон, то сказал, что его близкий друг входит в совет попечителей, и он с удовольствием замолвит словечко за Макс.

Айзек отложил вилку и посмотрел на Пейтон.

– С какой стати? Он не знает Макс – как и нас, впрочем.

– Его компания оказывает такие услуги. Если мы сделаем пожертвование в адрес его благотворительной образовательной организации, он подключит свои личные связи и похлопочет за Макс. Разумеется, он не дает никаких гарантий, но

его рейтинг успеха составляет девяносто пять процентов, а если у абитуриента хорошие данные, как у Макс, то еще выше.

– Какой еще благотворительной организации? – непонимающе переспросил Айзек.

Пейтон изо всех сил старалась не показывать раздражения. Он совершенно не о том думает!

– Не знаю. Он скажет. Сумма пожертвования – пятьдесят тысяч. Конечно, немало, но если посмотреть, сколько дерут консультанты за пару встреч и проверку сочинения, то не так уж и много.

– Я бы не дал ему и десятки.

– Да ладно тебе, Айзек. Ты не хочешь признать, что мы уже заплатили, чтобы Макс приняли в лучшую среднюю школу. Ее учеба обходится больше пятидесяти тысяч в год, начиная с первого класса. В третьем классе мы нанимали частного тренера по хоккею на траве. А профессор прикладной математики из Колумбийского университета, занимавшийся с ней алгеброй? А почти двадцать тысяч, которые мы заплатили прошлым летом, чтобы она стала волонтером и помогала строить жилье для нуждающихся семей в Коста-Рике? Мы сделали это, чтобы наш ребенок получил все мыслимые преимущества, благодаря которым сможет поступить в лучший колледж. Чем это отличается?

Айзек опустил глаза:

– Если уж ты так ставишь вопрос, то я вовсе не горжусь некоторыми из наших решений.

Пейтон ударила кулаком по столу. Сейчас ее передернуло от этого воспоминания.

– А как насчет чеков, которые ты отправляешь в Принстон каждый год? Это простое совпадение, что ты начал, когда она родилась? Ты можешь сказать, положа руку на сердце, что будешь продолжать, когда она станет студенткой? Ты давал эти деньги, чтобы поддержать и отблагодарить свою школу – или

чтобы повысить ее шансы на поступление? Признайся честно.

– И то и другое, – кивнул он.

Пейтон хотела вставить замечание, но Айзек предостерегающе поднял руку.

– Наши десять-пятнадцать тысяч в год не повлияют на поступление Макс. Для этого нужны миллионы.

– А если бы? – наклонилась к нему Пейтон.

Они закончили ужин в молчании, затем Айзек сказал:

– Я не хочу больше об этом слышать, Пейтон. Забудь.

– Тогда чем мы занимались все семнадцать лет? – спросила Пейтон.

Айзек прокашлялся.

– Послушай, – миролюбиво произнес он, – давай не будем ссориться. Понимаю, ты хочешь как лучше для Макс. Поэтому я возьму с тебя обещание, что ты никогда больше не заговоришь с этим «хакером». Договорились?

– Я думала, что, если…

– Пейтон Джеймс Маркус! Обещай. Мы всеми силами поддерживаем Макс; мы оба знаем, что она обязательно будет учиться в прекрасной школе. И ей там понравится. Пообещай, что ты не будешь иметь никаких дел с этим типом.

Пейтон вновь открыла рот, однако Айзек в который раз ее перебил:

– Обещай.

– Обещаю, – вздохнула она.

– Не отвечать на его звонки. Не встречаться с ним. Не выписывать никаких чеков – ни ему, ни его благотворительной организации. Обещаешь?

– Я же сказала: обещаю.

Она дулась на мужа весь вечер. Айзек не замечал или делал вид, что не замечает, и больше эта тема не поднималась.

Пейтон сидела, уставившись в потолок, и не могла вспомнить ни единого случая, когда ее уравновешенный муж разозлился настолько, чтобы выйти из комнаты, хлопнув дверью. Она со вздохом признала, что нарушила обещание. За все совместно прожитые годы Айзек никогда по-настоящему на нее не рассердился. Жизнь с ним была приключением. Она с самого начала знала, что это навсегда, как только они стали встречаться. В то время Пейтон работала в ночную смену на местном канале в Куинсе и впервые за несколько месяцев получила свободный уикенд. Ей отчаянно хотелось поехать в какой-нибудь тихий отель, валяться на пляже или у бассейна, спать, любить, пить фруктовые коктейли, но Айзек обладал даром убеждения. Он разительно отличался от безмозглых болванов, с какими она обычно встречалась. Симпатичный, хотя не сногсшибательный. Не слишком увлекался спортом – ни теорией, ни практикой. В Принстоне он специализировался на философии, а в качестве дополнительного предмета выбрал английскую литературу. Он был добрым, рассудительным, заботливым и весьма упорным, если ему чего-то очень хотелось. Ничто не могло заставить Пейтон променять шезлонг у бассейна на грязную вонючую рыбацкую лодку, кроме терпеливых уговоров Айзека. Несмотря на то что ее тошнило и непрерывно рвало все пять часов, она потеряла столько жидкости, что пришлось обращаться в «Скорую» и ставить капельницу, она все равно улыбалась ему в тот вечер, когда они сидели на кровати в гостиничном номере, ели пиццу прямо из коробки и вспоминали безумную рыбалку. Пейтон ничего не планировала и ни о чем таком не думала, и вдруг неожиданно для себя сказала: «Давай поженимся!» – причем в тот момент ее охватила тысячепроцентная уверенность, что именно этого она хочет. Айзек оторопел и от неожиданности чуть не упал с кровати, а затем схватил ее в объятия, уронив пиццу на пол, и покрыл поцелуями лицо. У нее на волосах засохли капли рвоты, а от его одежды несло наживкой и рыбой, но именно тогда они решили, что всегда будут вместе.

Всегда. Какие бы сюрпризы ни преподнесла жизнь, они придумают, как с этим справиться. Он обязательно ее простит. Страшно представить, что будет, если

нет.

Глава 6

Лето в цветах

Макс захлопнула ноутбук. Сколько можно пялиться в новости на разных сайтах! Мало того что ее отца арестовали на глазах у всего мира и она навсегда останется девчонкой, отец которой дал взятку, чтобы ее приняли в колледж, так еще единственной ее фотографией, гуляющей в Интернете, оказался мерзопакостный портрет с выпускного. Разве кому-то интересно, что на первой странице ее канала в разделе «Знакомьтесь, Макс» красуется великолепная, высокохудожественная фотография, а на странице в Инстаграме есть целая серия тщательно отредактированных снимков, представляющих ее в лучшем свете? Она видела этот ужас даже с закрытыми глазами. Дурацкий милфордский блейзер, тщательно уложенные по маминому настоянию волосы, розовая помада, которая выглядит на фото гораздо ярче, чем в жизни. Черт, кто это вообще? Эта девушка совсем непохожа на нее настоящую, с непокорными кудрями, растрепанными бровями и тремя новыми сережками в левом ухе. Снимок гуляет по соцсетям, любой тролль с доступом в Интернет может сказать о ней все, что угодно, а ничего хорошего о ней не скажешь. Да она и сама себе кажется пустым, эгоистичным снобом, потому что беспокоится о фотографии, когда рушится ее жизнь. В семнадцать лет!..

Неожиданно нахлынули слезы. Как справиться с ненавистью к родному отцу?

Звякнул телефон. Бринн прислала фото своего щенка, кинг-чарльз-спаниеля, которого родители купили ей в качестве утешения и одновременно взятки, когда увезли перед выпускным годом школы в Гонконг. В то время Макс удивлялась, как мама и папа Бринн могли принять столь ужасное решение, однако последние двадцать четыре часа показали, что спорить с родителями себе дороже: они всегда сильнее.

«Ми-ми-ми-лашка. Он так вырос», – написала Макс.

«По-прежнему писает родителям в кровать. Я его люблю», – ответила Бринн.

Макс нагнулась и заглянула под кровать. Куки яростно зарычал.

«Тебе хорошо, твоя собака не кусается».

«Зато я хожу по улицам и не понимаю, что мне говорят. Я три года учила мандаринский, но не могу и двух слов связать».

«Круто, наверное, взять перерыв после школы и путешествовать по миру?»

«Ага, и жить в микроскопической квартирке вместе с родителями и двумя младшими братьями, без друзей, без парней и без личной жизни в этом диком, странном городе. Думаю, мне сейчас хуже, чем тебе».

«На случай, если ты забыла: мой отец провел целый день в ТЮРЬМЕ, потому что дал взятку, чтобы меня приняли в колледж».

Наступила пауза, затем появилось три точки.

«Ты выиграла».

Макс ухмыльнулась и отправила снимок Куки с оскаленными зубами.

«Когда его отпустят? Как в телевизоре? Ты платишь залог, и человека отпускают домой?» – поинтересовалась Бринн.

Макс поставила три вопросительных знака и добавила: «Очевидно, да. Он только что пришел. Ссорятся с мамой».

«Семейный ужин будет?»

«А как же?»

«Скучаю по отварным протеинам и паровым овощам твоей мамы».

«Если бы могла выйти из квартиры, убежала бы куда глаза глядят. Кругом папарацци».

«Зато прославилась!»

Макс хрюкнула.

«Меня все ненавидят и считают чудовищем. Кто поверит, что я ничего не знала?»

В дверь постучали, и у Макс екнуло сердце. Мама открыла дверь, не дожидаясь ответа. Несмотря на катастрофу, она будто сошла с гребаного каталога.

– Привет, солнышко. Папа уже принял душ. Он проголодался, и мы собираемся ужинать. – Мать критически поморщилась, взглянув на пропотевший после тренировки спортивный костюм. – Ты тоже сходи в душ перед ужином.

Макс хотела, но теперь, когда ее поучали, как ребенка, не собиралась и близко подходить к ванной.

– Нет, давайте ужинать. Что ты заказала? Пожалуйста, скажи, что салат.

– Хватит уже, Макс, – опустила глаза Пейтон.

– Я пошутила.

Мать вздохнула и закрыла дверь.

Макс встала с кровати. Как заставить себя выйти на кухню и увидеть отца? Что ему сказать? Она весь день проигрывала в голове различные сценарии, убеждая себя, что все это ужасное недоразумение, хотя умом понимала, что нужно принять очевидное. В конце концов, ФБР незачем врать. Но это же папа. Он чувствовал себя обязанным познакомиться с ее друзьями и лишь после этого отпускал к ним домой. Готовил ей завтраки, всегда помогал с домашним заданием и, сгорая от стыда, читал унизительную, но трогательную лекцию о месячных и еще одну – о том, что заниматься сексом можно только с тем, кого любишь. Он признавался, что тоже экспериментировал с выпивкой и покуривал

травку в старших классах, и хотя не поощрял такое поведение, но соглашался закрыть глаза на пиво или косячок, если Макс пообещает никогда не принимать таблетки. Никакие. Ни при каких обстоятельствах. Таблетки непредсказуемы, опасны, ужасны, и папа много раз требовал с нее клятву, что она никогда, ни за что не возьмет в рот таблетку неизвестного происхождения.

Не может быть, чтобы папа, который всегда твердил, что надо помогать людям, быть доброй и все такое, пошел и сделал что-то незаконное. И не просто незаконное, а то, что разрушит ее жизнь и их отношения. Невозможно. Все эти годы именно мама сходила с ума с поступлением, советовала, по каким предметам пройти углубленные курсы и куда записаться волонтером, подавала идеи, как проявить лидерские качества. Макс ее раскусила. Она видела, что корни маминой одержимости Лигой плюща кроются в ее собственном чувстве незащищенности, когда та училась в старших классах. Родители уделяли больше внимания старшей дочери, Скай, которая в итоге поступила в Амхерст, а Пейтон считали милой, но туповатой любительницей вечеринок. А отец всегда защищал Макс перед мамой. Макс очень способная, у нее разносторонние интересы, и это гораздо важнее, чем галочки в резюме. Существуют сотни отличных школ, где она может получить прекрасное образование и великолепный опыт. Университеты Лиги плюща, конечно, престижны, но на них свет клином не сошелся. Он миллион раз говорил, что вполне представляет ее студенткой небольшого гуманитарного колледжа где-нибудь на северо-востоке, в университете Чикаго или Бостона, или в хорошей киношколе в Лос-Анджелесе. Неужели все это время он врал? Неужели он, как и мама, верил, что учиться стоит только в одном из восьми колледжей, если считать Дьюк, Массачусетский технологический и Станфорд? Неужели он настолько в это верил, что решил заплатить своей альма-матер, чтобы Макс туда приняли?

– Макс, иди скорее, пока не остыло! – крикнула из кухни мама.

Она сделала глубокий вдох, вышла на кухню и села на свое обычное место.

– Я уже здесь.

Несмотря на душ, отец выглядел усталым и осунувшимся. И грустным.

– Привет, малышка, – сказал он, накрыв ее руку своей.

Макс отобрала руку и потянулась за миской с салатом, стараясь не замечать папиного уязвленного выражения лица. Кроме салата, на столе стояла миска с брокколи, приготовленной на пару, небольшое блюдо со спаржей и ломтиками лимона и три кусочка курицы гриль, каждый не больше карточной колоды.

– Голову даю на отсечение, в кутузке тебя кормили лучше, – не выдержала Макс.

– Макензи! – строго сказала мама, а отец усмехнулся.

– Скажем так: цельнозерновые макароны там не в почете.

Айзек намекал на старую шутку, понятную только им. Всякий раз, когда отец приходил звать ее на ужин, Макс спрашивала, что в меню. Как-то раз, несколько месяцев назад, когда Макс сражалась с очень трудным заданием по химии, папа вошел в ее комнату и прикрыл за собой дверь.

– Да, я сделал салат, иначе мама потребовала бы развода. Так называемая «курица по-пармски» приготовлена на гриле и без сыра, а в соусе маринара нет ни грамма сахара. Тем не менее все это подается с лингвини, и они, – понизил он голос до шепота, – не цельнозерновые. Повторяю: лингвини настоящие. Никому не говори, ладно?

Макс подавила вздох. Господи, неужели папа не понимает, что это предательство? Спросить напрямик, зачем он это сделал? Потребовать объяснений, как он мог совершить столь чудовищную глупость?

Она уже открыла рот, как вдруг мать произнесла напряженным, но бодрым голосом:

– Передать не могу, как восхитительно было увидеть такое безумное количество пионов. Их, наверное, доставили с Гавайев самолетом в то же утро.

Пейтон обладала сверхспособностью: умела перевести любой разговор в безвредное и бессодержательное русло. В конце концов, ей за это платили, и, видит бог, она отличный профессионал.

– Мы понятия не имеем, о чем ты, – не поднимая головы, бесстрастно произнесла Макс.

– Помните торжественный завтрак, на котором меня пригласили произнести речь на прошлой неделе? В пользу детской грамотности? – спросила Пейтон.

Никто не ответил, и она продолжила:

– Страшно представить, сколько все это стоило! Благотворительное событие. Вот что меня всегда удивляет. Я понимаю: без роскоши и размаха невозможно привлечь крупных доноров, и все-таки! Одни цветы для украшения зала стоили сотни тысяч долларов. Эти деньги можно было потратить на то, чтобы научить детей читать, а не украшать мероприятие, организованное для того, чтобы научить детей читать.

Макс и Айзек молчали. Макс жевала безвкусную курицу.

– Значит, сижу я за столом, слушаю, как читает Салман Рушди: не каждый день такое услышишь, правда? – и не могу даже сосредоточиться на его словах из-за этих безумных пионов, которые благоухают у меня под носом!

– Цветы? Летом? Поразительно! – сказала Макс, подняв голову от тарелки.

Отец подмигнул, но Макс сделала вид, что не заметила. Точно так же он подмигнул на прошлой неделе, когда она вынырнула из подземки в Финансовом районе и протянула ему бутылочку шоколадного «Ю-ху».

– Гадость какая, – сказал он, открутил крышку и сделал большой глоток.

– Мерзость. Сплошная химия, – подхватила Макс и в несколько глотков опустошила бутылку.

– Рак в бутылке, – согласился Айзек, допив свою и подмигнув дочери. – Не говори маме.

– Понимаю, – кивнула Макс. – Некоторые мужчины изменяют своим женам с другими женщинами, а некоторые – с вредной едой.

Они проскочили в подземку и побежали к поезду, только что подъехавшему на станцию.

– Как прошла встреча? – спросила Макс, когда они сели.

– Все хорошо. Вот посмотри.

Он достал сложенный лист бумаги и разгладил на колене.

– Вот мой план. Что думаешь?

Айзек нашел три места для рыбалки, и они собирались разведать все три, но самые большие надежды он возлагал на первое: Белт-Паркуэй Променад.

– У нас много дел на это лето, крошка, – сказал он чуть дрогнувшим голосом.

Макс шутливо ткнула его в плечо.

– Я же не навсегда уезжаю из дома. Просто в колледж. Я вернусь. Так легко ты от меня не избавишься.

Он печально улыбнулся:

– Знаю. И все же это начало твоей настоящей жизни. Взрослой жизни. Конечно, ты будешь приезжать в гости, только все уже будет по-другому.

Макс посмотрела ему в глаза. Поезд несся в темноту, мигая лампочками дневного света.

– Ты плачешь, папочка? Я буду в каком-то часе езды! Ты сможешь приехать ко мне когда захочешь.

– Я просто… горжусь тобой. Тем, какая ты выросла. Тебе очень понравится в колледже. Я знаю, ты сомневалась в своем выборе, но Принстон просто невероятен! Ты получишь все, о чем только можно мечтать.

– Да, я тоже так думаю. Я переписывалась с девочкой со второго курса, которая сейчас проходит «Введение в цифровое искусство и культуру»: она говорит, что это потрясающе интересно. Она занимается анализом женственности в цифровую эпоху, изучая аккаунты в Инстаграме. Круто, да?

– Невероятно. Уверен, тебе там понравится. Не будет больше никаких школьных глупостей, кто кого пригласил или не пригласил на вечеринку, и подобной чепухи. Ты встретишь много удивительных людей разного происхождения, воспитания, образа мыслей… – Он вздохнул. – Я бы с радостью пережил все это снова.

– Прекрати, папа! Сессии, экзамены, бессонные ночи над учебниками? Ты шутишь!

– Нисколечко.

– Что, так ужасно быть старым?

Отец рассмеялся.

– В плане обучения – да. Здорово, конечно, когда никто тебе не указывает: иди куда хочешь, делай что хочешь, – но за первый семестр первого курса я узнал больше, чем за двадцать пять лет после колледжа. Конечно, ты можешь читать, заниматься самообразованием и расти в профессиональном плане, только… как бы это объяснить… Учеба ради учебы: ради чистого удовольствия от получения знаний, – такого со мной больше не случалось. – Он пожал плечами. – Может, это мое личное ощущение, но думаю, многие мои и мамины друзья подписались бы под этими словами. Просто становится не до учебы, появляются другие приоритеты: дети, работа, ипотека и все такое.

Макс задумалась. Она считала обоих родителей неглупыми, с достаточно активной жизненной позицией. При этом она отдавала себе отчет, что ни папа, ни мама не понимают всей глубины социальных изменений, отличающих ее поколение. Они все еще не верили, когда Макс рассказывала, что такой-то объявил о нетрадиционной ориентации, а такая-то заявила, что относит себя к трансгендерным персонам, и в этом нет ничего ужасного. До них не доходило, что небинарные люди могут иметь местоименные предпочтения. Они не понимали, что многие друзья Макс, а возможно, и она сама, рассматривают

сексуальность как нечто изменчивое, происходящее в континууме, а не точку, зафиксированную на линии. Черт, родители наверняка испугались бы, если бы Макс решила выйти замуж не за еврея, хотя она никогда не встречала менее религиозных людей. А еще называют себя либералами! Ньюйоркцы! Тем не менее, когда дело касалось политики, текущих событий, новостей, – родители могли показать себя с лучшей стороны. Каждое утро им приходила куча газет, отец постоянно читал романы, мать знала поименно сенаторов каждого штата и большинство представителей. Но сейчас отец говорил о другом: чистое, систематическое получение знаний свелось к поверхностному просматриванию заголовков и информации в телефонах. Оба как будто невыносимо устали. Интересно, так со всеми родителями? Или только с ними?

На телефоне появилось уведомление. Открыв его, Макс увидела, что за час, который прошел с момента публикации последнего видео, у нее появилось сто тридцать новых подписчиков.

– Глянь, пап! – Она протянула отцу телефон и указала на число. – Смотри, сколько у меня подписчиков. Безумие, да?

– Восемь тысяч человек? Ты ведь не со всеми из них знакома?

– Почти ни с кем, – рассмеялась Макс. – То есть мне кажется, что я их знаю, мы переписываемся, но кроме нескольких друзей в городе, вас с мамой и еще пары случайных знакомых, я никого из них лично не знаю.

– Невероятно, Макс. Ты поразительно талантлива. Не терпится увидеть, что ты сделаешь со своими талантами.

– Я подумываю о реалити-шоу. Какой-нибудь треш о свиданиях? Еще я слышала, что большие деньги можно сделать на порно…

Отец схватился за сердце, и она рассмеялась.

– Мне дурно становится уже от того, что моя милая дочурка произносит это слово.

Макс просунула руку отцу под мышку и положила голову ему на плечо, чего не делала целую вечность.

– Я люблю тебя, папочка. Обещаю, что не стану связываться с порно.

Он поцеловал дочь в макушку и сжал ее руку.

– Знаю, милая. Просто между нами: если бы ты это сделала, я бы тебя убил.

Поезд подъехал к остановке, двери открылись.

– Наша остановка, – сказала Макс, вскочила и протянула отцу руку. – Пойдем, старичок. Разведаем хорошие места…

– Макс? Ты меня слышишь?

Голос отца вернул ее к действительности, и Макс, обнаружив, что сидит напротив него за столом, зло сощурилась.

– Значит, ты мне врал на прошлой неделе? Ну конечно! Как ты мог петь песни о моем прекрасном будущем, зная, что я попаду в колледж только благодаря взятке?

Несколько секунд все молчали, затем мама взяла вилку и сказала:

– Милая, мы понимаем, что ситуация… напряженная. Но это временно.

– Правда? Мне так не кажется. – Макс уставилась на отца. – Поверить не могу, что ты это сделал. Кто угодно, только не ты!

Отец изменился в лице.

– Это просто недоразумение, – вмешалась мать, – и поверь, скоро все разъяснится. Никто не нарушал никаких законов.

– Недоразумение? – Макс перевела взгляд на мать. – Ты хочешь сказать, что папа не пытался купить мне место в Принстоне? И ФБР все это придумало?

Родители посмотрели друг на друга. Оба молчали.

– Значит, получается, – сказала Макс, – что он разрушил мою жизнь – а заодно и вашу, – обеспечив мне место в школе, куда я вообще не хотела поступать! Ха! Восхитительно, папа!

– Принстон – прекрасная школа, – спокойно произнесла Пейтон, отложив вилку.

– Какая, на хрен, разница? – взвизгнула Макс.

– Давайте немного успокоимся, а? – сухо произнес Айзек. – Мы все сейчас на нервах. Макс, милая, пожалуйста, не кричи на маму. А ты, Пейтон, хотя бы на время перестань рассуждать о радостях Принстона.

Он вновь повернулся к дочери.

– Я понимаю, что тебе пришлось пережить. Это ужасно. Но пойми, пожалуйста: порой кажется, что наступил конец света (я полдня провел в тюремной камере и знаю, что говорю), а на самом деле это не так. Клянусь тебе, все наладится.

Макс горько рассмеялась.

– Наладится? Интересно как? Меня выгонят из Принстона, и я наконец смогу поступить куда хочу? – сказала она, даже не предполагая, что это может произойти, пока слова не слетели с ее губ.

Родители опешили.

– Милая, ты умна и талантлива, у тебя большое будущее, – рассудительно произнес отец. – Мы все преодолеем, обещаю.

Мать кивнула. Макс уставилась в тарелку.

– Спасибо, папа, дальше я сама. Все эти дурацкие россказни о преодолении трудностей восхитительны, но думаю, ты уже сделал больше чем достаточно. С меня хватит, – сказала она, встала и, не дожидаясь ответа, убежала в свою комнату.

Глава 7

Всё как обычно

В самих трусиках не было ничего особенного: мягкий хлопок потрясающе красивого бирюзового оттенка с кружевной оборочкой. Они ничем не выделялись среди дюжины других трусиков разного цвета, лежащих в верхнем ящике комода бог знает сколько лет с того самого дня, когда Скай в приступе разочарования в неудобном нижнем белье изгнала из своей жизни стринги, бикини и тонги, заменив их надежно закрывающими все, что нужно, хипстерами. Не самое сексуальное белье, но хотя бы не уродливое. Скай обнаружила трусики на столе в прачечной: наверное, их оставила свекровь, Кэрол, прилетавшая в гости из Австралии в начале месяца.

– Не может быть! – потрясенно выдохнула Скай.

– Чего не может быть, мамочка? – прощебетала Аврора со своего наблюдательного поста на полу в коридоре. Девочка лежала на животе, подперев руками подбородок, и терпеливо дожидалась, когда Скай отведет ее на кухню.

– Ничего, Бусинка. Пойди насыпь себе хлопьев. Я приду через минутку.

Скай вытащила из заднего кармана джинсов телефон: половина восьмого утра. Она знала, что все давно проснулись, и лучше поговорить о нижнем белье, чем о том, что мужа ее сестры арестовали на глазах у всей Америки.

Она напечатала сообщение в чате группы, куда входили мать и сестра: «Только что поняла: я ношу такое же белье, как Кэрол!!!»

«Ну и что?» – ответила Пейтон.

«Ну и что?» Это все, что ты можешь сказать, когда я написала тебе, что ношу такое же БЕЛЬЕ, как моя свекровь?»

«Кэрол – очень интересная женщина», – написала Марша, их мать.

«Да, только ей шестьдесят восемь! Как я могу носить такое же белье, как она?»

«Я видела твои лифчики и трусики. Их трудно назвать бельем», – написала Пейтон.

«Согласна», – подключилась мама.

«Спасибо за поддержку».

«Меня больше интересует, как относиться к этому Гейб», – написала Пейтон.

«Относится», – исправила ее Скай.

Сестра, как обычно, проигнорировала исправление.

«Я хочу сказать, разве это не очаровательно: твой муж не против, что ты носишь такое же белье, как его мама?»

«Откуда Гейбу знать, какое белье у его мамы?» – взбесилась Скай.

«Я сто раз тебе говорила: ты слишком стара для пяти дырок в ухе и слишком молода для трусов как у бабушки», – продолжала Пейтон.

«Да еще это твое тату. Нехорошо», – добавила Марша.

«Откуда ты знаешь?»

«Мама все знает».

«Я сказала ей четыре года назад, – сообщила Пейтон. – Она знает о морской звезде которая как будто выплывает из твоей задницы».

«Когда ты научишься ставить запятые?» – поддела сестру Скай.

«Зато у меня морские звезды из задницы не выплывают», – отбрила ее Пейтон.

Скай улыбнулась.

«Мне пора, – написала Пейтон. – Макс встала. Она до сих пор с нами не разговаривает».

«Так вам и надо!» – напечатала мама.

«И кстати, эта морская звезда не выплывает оттуда, а заплывает туда…» – вспомнила Скай.

Подождав с полминуты, она поняла, что продолжения не будет, вздохнула и сунула телефон в карман. Потом сложила трусики свекрови в аккуратный квадратик и задумалась, не отправить ли их почтой.

– Пойдем, Бусинка, – сказала она, помогая дочке встать. – Тебе пора одеваться на рисование.

Девочка упиралась и хныкала чуть больше, чем обычно, однако к половине девятого Скай все же удалось одеть и накормить ее. Хотя Аврора должна была каждое утро выполнить три дела: почистить зубы, заправить постель и одеться, – в январе расписание начало давать слабину, а к первому февраля совсем развалилось. Единственное, что их спасало, – неделю назад ей заплели новые косички, которые отнимали каждое утро не меньше четверти часа. Косички продержатся два месяца, и Скай вновь мысленно поблагодарила двух ангелов из салона, специалистов по афроприческам. Сама Скай так и не научилась это делать, хотя просмотрела кучу видеоуроков и даже посетила несколько занятий офлайн.

– Папочка! – завизжала Аврора, когда на кухне появился Гейб с влажными после душа рыжими волосами.

Его наряд – легкий блейзер с замшевыми заплатками на локтях, узкие джинсы и сникерсы – одинаково хорошо вписывался и в студенческий кампус, и в офис частной архитектурной фирмы, где он был одним из партнеров.

– Как поживает моя любимая девочка? – с очаровательным австралийским акцентом спросил Гейб, стащив из Аврориной тарелки клубничину и прихватив из резной деревянной вазы на кухонном острове яблоко.

– Сегодня суббота! – объявила Аврора. – Почему ты идешь на работу?

– Ты ведь знаешь, я проектирую дома?. Люди, которым нужен дом, свободны только сегодня, поэтому я еду в офис.

– Можешь по пути забросить ее на рисование? – спросила Скай. – Я обещала заглянуть к маме и уже опаздываю.

– Прости, дорогая, я спешу.

Гейб чмокнул ее на прощание, проведя трехдневной щетиной по щеке.

– Что тебе стоит: каких-то две минуты.

Он поднял голову и сощурил голубые глаза.

– А тебе? Марша может подождать, а клиенты – нет.

– Просто я не одета, – сказала Скай. – И у меня не останется времени зайти домой, когда я ее отвезу.

– Перестаньте ссориться! – Аврора заткнула уши руками.

– Мы не ссоримся, милая, а обсуждаем, – сказал Гейб, выразительно посмотрев на жену.

– Ладно, я ее отвезу, – сдалась Скай. – Побежала одеваться. Сейчас спущусь. Аврора, солнышко, обувайся.

На этот раз Гейб поцеловал ее в губы.

– Держи меня в курсе, что там у Пейтон. Я позвоню Айзеку после обеда.

Скай кивнула и начала подниматься по лестнице. Если идти в душ, Аврора неминуемо опоздает, поэтому она заправила любимую футболку с судьей Рут Гинзбург в джинсы и влезла в биркенштоки с цветочками. Побрызгала корни волос сухим шампунем и недовольно фыркнула, заметив белую пыль на футболке. Кое-как почистившись, скрутила волнистые каштановые волосы в пучок, оставив несколько прядей вокруг лица.

Когда она спустилась, Гейба уже и след простыл.

– Смотри, мамочка, тетя Пейтон! – указала Аврора на телевизор в общей комнате, как всегда по утрам. – Какие у нее красивые волосы! И платье.

Скай посмотрела на экран. Это и вправду была Пейтон. Она сидела рядом с клоуном-соведущим, которого все считали неотразимым, и выглядела как идеальная новостная журналистка: выпрямленные светлые волосы подстрижены в аккуратный боб чуть выше плеч, изумрудно-зеленое платье с консервативным вырезом-лодочкой, безупречный макияж, подчеркивающий сверкающую белизну улыбки, которая стоит дороже, чем машина.

Скай выключила телевизор, пока Аврора не успела понять, что Пейтон сегодня утром не в эфире: отрывок из прошлой передачи входил в репортаж об аресте ее дяди.

– Через минуту выходим. Возьми сумочку с перекусом и обувайся, пожалуйста. И не забудь свои рисунки.

Сцена на парковке перед начальной школой Абингтона никогда не переставала удивлять, даже в субботнее утро. В будние дни медленная, спокойная процессия «лендроверов» и «тесл» оставляла чисто вымытых, модно одетых детей на попечение молодых, доброжелательных, почти пугающе привлекательных учителей, каждый из которых мог похвастаться дипломом престижного университета. Идеальное совершенство картины продолжалось внутри, где юные ученики изучали математику на интерактивных досках и получали индивидуальные рекомендации по чтению от высококлассных специалистов. В

течение дня они пользовались обширной школьной библиотекой, обедали органической едой местного происхождения в залитом солнцем кафетерии и играли на красиво оформленной площадке, разработанной лучшими экспертами по детскому развитию. Физическое воспитание, искусство, музыка, программирование, иностранные языки, хор, ученическое самоуправление – чем только не занимались ученики в возрасте от пяти до десяти лет! И это муниципальная школа. Скай вспомнила обшарпанную начальную школу, куда ходили они с Пейтон в Ланкастере, с разнокалиберными партами и раздражительными учителями. Почти шесть лет, начиная с подготовительного класса, школьный обед Скай состоял из соленых маисовых лепешек, намазанных плавленым сыром, пластикового стаканчика с мандариновым компотом и мультивитаминного сока в пакетике. Никто этого не замечал. Никто об этом не говорил. Всем было пофиг. А теперь, тридцать лет спустя, она отправляет свою дочь в школу, где матери составили петицию… нет, кого она пытается обмануть, – организовали целое движение за то, чтобы йогурт «Йоплейт» в столовой заменили на «Сиггис», в порции которого содержится на два грамма меньше сахара, а стоит он в пять раз дороже.

Аврора выбралась с заднего сиденья «субару» и помахала Скай.

– Я люблю тебя, Бусинка! Веселого урока. Заеду за тобой перед ленчем, – сказала Скай и проводила взглядом дочь, вприпрыжку пустившуюся к главному входу.

Ей никогда не нравился Парадайс, слишком «белый» и состоятельный, но как и многие семьи, мечтающие вырваться из города, они с Гейбом в конце концов приняли решение, основываясь на главном критерии: школы. Никто не посмеет обвинить их в нежелании дать своему ребенку самое лучшее.

Чтобы добраться до дома матери в Уайт-Плейнс, Скай пришлось проехать через центр Парадайса, состоящий из двух пересекающихся улиц, которые местные называли «Виллидж». С первого взгляда «деревня» выглядела как типичный городок где-нибудь в Новой Англии: узкие улочки, старомодные фронтоны, мощенные неровными булыжниками тротуары с деревьями и скамейками. Часы работы лавочек и меню ресторанчиков на мольбертах перед входом, столики бистро в парижском стиле с цветами в горшках, почти возле каждого мазазинчика миска с водой для шоколадных лабрадоров и золотистых ретриверов, гуляющих с хозяевами. Но за симпатичными фасадами скрывался совсем другой мир, где кассирша из канцелярского магазина носит кольцо с

бриллиантом за пятьдесят тысяч долларов, а стол сапожника заставлен чемоданами от «Гуччи» и лабутенами. Шестнадцатилетние дети безуспешно упражнялись в параллельной парковке своих «лендроверов» под голосившую из новейших звуковых систем Ариану Гранде. На каждую пекарню и магазин детской одежды приходилось с десяток дизайнерских бутиков: «Тиффани», «Винс», «Тиори», «Джои», «Элис+Оливия», «Рэг энд Боун». Присутствовал даже небольшой уютный филиал «Сакс Пятая авеню», а на самой окраине – новенький салон «Тесла». Приехав в «Виллидж» по делам или на чашку кофе, Скай по-прежнему не могла понять, как здесь оказалась.

Почти у самого маминого дома зазвонил телефон. Она хотела отклонить звонок, но заметила код Бруклина и подумала, что это может быть кто-то из старых подруг или коллег.

– Алло? – громко произнесла она в пустоту салона.

Гейб всегда смеялся, что она кричит по блютусу.

– Я говорю со Скай Элтер? – спросил неприятный мужской голос.

– Кто это? – начиная нервничать, спросила Скай.

– Я Леонард из «Пасифик файнэншнл сервисез». Мне нужна Скай Элтер.

Врать бессмысленно: все равно найдут, так или иначе.

– Слушаю.

– Миссис Элтер, я звоню сообщить, что вы на три месяца и три дня задержали выплаты по карте «Дискавер». По состоянию на девять утра сегодняшнего дня ваш долг составляет тридцать одну тысячу шестьсот семьдесят семь долларов тридцать два цента. Вы не желаете внести платеж сейчас по телефону?

У Скай перехватило дыхание. Когда она проверяла в последний раз, сумма долга составляла что-то около двадцати восьми тысяч. Не такая существенная разница, но она превысила тридцатитысячную отметку.

– Мэм?

– Да, слушаю, – сказала Скай. – Вообще-то сейчас мне неудобно говорить, я на деловой встрече.

– А когда вам будет удобно? – вежливо, однако настойчиво поинтересовался мужчина.

– Позже, будьте добры.

Скай завершила звонок. Сердце стучало как бешеное. Она не собиралась даже открывать эту чертову карту – кто в наше время пользуется «Дискавер»? Но они предложили столько плюшек: бесплатные мили, нулевые проценты, кредит в ее любимом ресторане. Все другие кредитные карты были общими с Гейбом, а эту она почему-то утаила и начала покупать все необходимое для резиденции. Она уверяла себя, что скоро возместит расходы на кухонное оборудование, банные полотенца и остальное. Гейбу ни к чему волноваться из-за уведомлений на мобильном, пусть они приходят только на ее телефон. Тем временем сумма долга стремительно росла, а у Скай не поворачивался язык сказать мужу, что у них тысячи долларов долга. Раньше она никогда не интересовалась шопингом, покупая только самое необходимое, а теперь так хотелось сделать дом идеальным, что не могла остановиться.

Рука машинально потянулась к имени Пейтон на экране, но Скай остановила себя. Как можно искать утешения у сестры, жизнь которой трещит по всем швам? После возвращения Айзека они с Пейтон не общались. Что там происходит? Как там Макс? Она написала племяннице, но ответа не получила. Возможно ли, что в семействе Маркус все идет своим чередом, хотя их сейчас обсуждает вся страна? Пейтон все знали и большей частью любили за непоколебимый оптимизм, неуемное вдохновение и полный отказ смотреть правде в глаза.

Эта взрывоопасная смесь черт была присуща сестре с самого детства, вот почему Скай так хотелось ей позвонить: Пейтон всегда готова выдать правильный ответ. Пусть она ничего не знает о вопросе, который нужно решить, о людях, с которыми придется иметь дело, о сопутствующих обстоятельствах – Пейтон всегда найдет выход. Если не решит проблему, то придумает, как с ней жить. Ведя машину, Скай думала, что посоветовала бы Пейтон. Пойти к Гейбу и

признаться, что облажалась? Преуменьшить масштаб бедствия, сказав мужу, что чуток перестаралась с заказами на «Амазоне», но пусть он не волнуется?

Едва завидев машину Скай, повернувшую на стоянку, Марша вышла из своей квартиры с двумя спальнями на первом этаже. Прикрыв глаза от солнца, она наблюдала, как дочь вытаскивает из багажника огромный пакет с коробкой.

– Спасибо, милая, – сказала она, придерживая дверь. – Твое внимание очень приятно.

В нос ударил пряный аромат тыквенного пирога.

– Мама, сейчас только июнь! Не рановато для тыквы?

– Самое время. А еще в «Домашнем уюте» была скидка на огромные свечи. Я купила шесть штук. Могу одну подарить.

Скай освободила место на столешнице и вытащила из пакета коробку.

– Спасибо, у меня есть.

Марша одернула хлопковую тунику, которая в сочетании со свободными джинсами и туфлями на плоской подошве составляла теперь ее ежедневный наряд, и наклонилась над коробкой.

– Господи, она чересчур дорогая. Не говоря уже о том, что мне не нужны все эти высокие технологии. Посмотри, сколько здесь кнопок! И зачем мне электронная панель? Кофе – это просто, я же говорила: моя старая кофеварка отлично справляется.

Скай прекратила распаковывать новую кофе-машину и указала на мамину старую, стоявшую в углу.

– Шнур обмотан изолентой, колба треснула… Мама, ты целыми днями пьешь кофе. Можешь хоть раз не упираться?

– Ладно, – вздохнула Марша. – Только напиши пошаговую инструкцию на листочке и прицепи к холодильнику.

– Хорошо.

Скай сделала кофе, взяла свою чашку и села напротив матери в маленькой захламленной гостиной. Стены украшали фотографии из поездок, некоторые в неподходящих по размеру рамках, а все поверхности были уставлены всевозможными безделушками.

– Как там твоя сестра? – спросила Марша. – Она не отвечает на звонки.

Скай поморщилась:

– Я тоже с ней не разговаривала со вчерашнего дня. Айзек только вернулся. По телевизору все это непрерывно показывают. Мне пришлось чуть не насильно отрывать Аврору от экрана.

Марша сделала глоток:

– Айзек не дурак. Не могу понять, зачем он это сделал.

– Мы все прекрасно знаем Айзека. Тебе не кажется, что можно было хотя бы усомниться в его вине?

– Увы, факты – вещь упрямая. Кроме того, это уже кто-то делал, и их поймали. Вроде бы та недалекая актриска из ситкома о девяностых. Я хочу сказать, какой смысл ему это делать?

– Вообще никакого, – кивнула Скай. – Не говоря уже о том, что Макс вполне способна поступить в колледж сама. Она в этой чертовой семейке самая умная.

Марша поцокала языком:

– Хоть бы одним глазком посмотреть, что там сейчас происходит.

– Мама!

– Да ладно, я шучу. – Марша взмахнула свободной рукой и расплескала кофе на тунику. – Твоя сестра права: все это развеется как дым. Посмотри, что происходит в стране, в мире! На такие мелочи уже никто внимания не обращает.

Скай уставилась на мать. Марша уже вышла на пенсию, а до этого много лет работала медсестрой. Муж ушел от нее к помощнице стоматолога, когда Скай было одиннадцать, а Пейтон – десять, завел новую семью – на этот раз с двумя мальчиками, – и, наверное, был счастлив, поскольку они его не видели и не слышали, не считая поздравлений с днем рождения и ханукой. Марша разбиралась в жизни и умела за себя постоять, многое знала, и не только в медицине: кто победит на выборах и когда начнутся лучшие сезонные распродажи, – могла приготовить буйабес, умела водить машину с механической коробкой передач и выводить любые пятна. Опытная охотница за выгодными сделками, она путешествовала исключительно с компаниями, которые ищут жилье типа хостелов для пенсионеров, находила горящие предложения в последнюю минуту, когда цена падала ниже плинтуса, и ехала куда угодно, только бы там не шли активные боевые действия. Эта клинически сумасшедшая твердо считала, что приготовленное мясо можно вернуть в маринад «для усиления аромата», а все «правила пищевой безопасности» не что иное, как мошенничество и сговор; отказывалась верить мастеру, который утверждал, что ее посудомоечная машина за двадцать два года забилась зацементировавшимися остатками пищи, и тарелки будут чище, если дать их облизать собаке; не доверяла врачам и придиралась к ресторанной еде. Марша привыкла преодолевать трудности и никогда не унывала, а ее безрассудство держало дочерей в постоянном напряжении. Однако сейчас Скай склонялась к мысли, что мать ошибается.

– Не думаю, – покачала головой Скай. – Они замешаны в крупном скандале, который расследует ФБР. Пытаться обмануть систему, когда у тебя и так множество преимуществ? Сомневаюсь, что на это посмотрят сквозь пальцы.

– К понедельнику никто и не вспомнит.

– Нет. Это может стать концом ее карьеры. – Скай вновь посмотрела на телефон, надеясь увидеть весточку от сестры. – Думаю, Пейтон в панике.

– Мужчины ежедневно совершают поступки гораздо более ужасные, чем попытка помочь своему ребенку. Все утрясется. Просто нужно время.

Скай встала и взяла чашку матери, чтобы налить еще кофе.

– Как думаешь, она знала? Не могла не знать, правда?

Марша пожала плечами:

– Я всегда говорила: трудно понять, что происходит в чужой семье. Даже если это семья твоей дочери. Поживем – увидим. Можешь пока рассказать, как дела у вас.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Бюндхен Жизель (1980) – бразильская супермодель и актриса. – Здесь и далее примеч. ред.

2

Брэди Том (1977) – американский футболист.

3

Компания «Мета» к которой относятся социальная сеть «Инстаграм» и «Фейсбук» признана экстремистской и ее деятельность на территории России запрещена.

Купить: https://tellnovel.com/vaysberger_loren/gde-trava-zelenaya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити